

9 (05)

8-362

ინის, ისტორიისა და მატერ. კულტურის ინსტიტუტი აკად. ნ. ბარის სახ.
ИН-Г ЯЗЫКА, ИСТОРИИ И МАТЕР. КУЛЬТУРЫ им. акад. Н. Я. МАРРА

9/05
2-362

მ ა ს ე ლ ე ბ ი

საქართველოს და კავკასიის ისტორიისათვის

Р-102578

МАТЕРИАЛЫ

ПО ИСТОРИИ ГРУЗИИ И КАВКАЗА

საგზოთი III Выход

დაბეჭდა სსრკ მეცნიერებათა აკადემიის
საქართველოს ფილიალის განკარგულებით

*Напечатано по распоряжению Грузинского
Филиала АН СССР*

ბეჭდვ. ს. ჯანაშია

ბთავლიტი № 8-60.

შეკვ. 416

ტირაჟი 1.000

სსრკ მეცნ. აკად. საქართველოს ფილიალის სტამბა, ტფილისი, აკ. წერეთლის 7

О Г Л А В Л Е Н И Е

1. От редакции	V
2. П. К. Журав. Мутагалиби в Закавказьи в IX—X вв. (К истории феодализма в Закавказьи)	167—214
3. ს. ჯანაშია. დედა პორტის ცნობები საქართველოს შესახებ და წყარო ინტერპოლაციებისათვის რუსულ თარგმანში	217—225
4. სტ. ჩხენკელი. ქისტების დასახლებისათვის პანკისის ხეობაში	229—237

О Т Р Е Д А К Ц И И

Работа бакинского арабиста П. К. Жузе «Мутагаллибы в Закавказьи» предполагалась к публикации в сборнике «Проблемы Советского Кавказоведения», издание которого было предпринято бывш. Институтом Кавказоведения. Так как издание сборника, отпечатанного почти целиком до реорганизации Ин-та в июне 1936 г., было приостановлено новой редакцией вследствие неприемлемости сборника в целом,—отдельные статьи, имеющие значение с фактической стороны, публикуются Институтом в отдельных выпусках. К числу их относится и работа Жузе, основанная на изучении арабских первоисточников доступных лишь для узкого круга специалистов. Вместе с тем редакция отмечает, что она не разделяет некоторых обобщений и формулировок автора, касающихся, главным образом, процесса феодализации арабских эмиратов в Закавказьи.

П. К. ЖУЗЕ

МУТАГАЛЛИБЫ В ЗАКАВКАЗЬИ В IX—X вв.

К ИСТОРИИ ФЕОДАЛИЗМА В ЗАКАВКАЗЬИ

Слово „мутагаллиб“¹ у арабских историков и географов эпохи разложения халифата прилагалось в некоторых случаях к институту новых феодалов, которые, воспользовавшись политическими смутами в халифате или слабостью центральной власти, ясно обозначившейся в начале IX в., — пытались „отложиться“ от халифов и образовать из захваченных ими, преимущественно на окраинах государства, областей, (а со временем — и небольших округов и даже отдельных городов с их окрестностями) самостоятельные политические единицы: эмиратства, княжества, ханства, шейхства (сеньерии); такие мутагаллибы сохраняли с центром или, вернее, с личностью халифа лишь религиозную связь или даже вовсе не сохраняли никаких связей, если мутагаллибы и те, кто их поддерживал, опирались на иные религиозные идеологии. Хотя большинство мутагаллибов и оправдывали свои выступления и прикрывали свои действия политико-религиозными целями, однако, внимательно изучая процесс появления мутагаллибов в разных провинциях халифата, не трудно заметить, что в основе его лежало, прежде всего, желание присвоить доходы с богатых провинций, округов и городов, посылаемые до этого в центральную кассу государства, которой халифы из династии аббасидов распоряжались без всякого контроля.

В начале слово „мутагаллиб“ прилагалось только к арабам, но со временем оно стало прилагаться и ко всем феодалам — захватчикам власти, без различия этнических групп и религий. Эпохой расцвета мутагаллибства, как института новых феодалов, появившихся в результате разложения халифата, или феодализма эпохи разложения халифата, нужно считать IX—X вв., а областью наибольшего его распростра-

нения — восточные области халифата и Закавказье с Азербайджаном в частности. Насколько нам известно, явление это не было еще до сих пор достаточно изучено, а между тем, всякому ясно, что история этих провинций, хотя бы только в указанную эпоху, не может быть изучена и правильно освещена без учета существования и развития в них этого института. Правда, в настоящее время, когда многие первоисточники еще даже не опубликованы и не изучены, нельзя и думать о полном и всестороннем изучении этого института. Поэтому, автор нижепредлагаемых строк такой задачи, конечно, себе и не ставит; автор был бы вполне удовлетворен, если бы ему удалось осветить хоть часть этого вопроса, и главное, обратить на него внимание историков вышеупомянутого края, лучше знакомых с ним, чем он сам.

До прихода к власти в 750 году хр. э. династии аббасидов феодальные отношения в халифате не приводили к раздроблению государственной власти и о мутагаллибах не было слышно. Правда, и до аббасидов были попытки со стороны отдельных лиц или целых племен или отдельных народностей захватить в свои руки ту или другую окраину или отдельные города и основать в них собственные самостоятельные государства; но эти попытки не могли привести к политическому разложению халифата. Это были политические соперники халифов из династии умайядов, оспаривавшие у них право на власть. Таковы были многочисленные, но безуспешные попытки алидов и их сторонников; таково было опасное для аббасидов восстание честолюбивого и крайне неразборчивого в средствах Мухтара ибн-абу Убайда в 685 г.²; таково было не менее опасное восстание Абдурахмана ал-Ашаса³, потомка южно-арабских королей, борющегося с всемогущим наместником халифа, ал-Хаджджадом, бывшим сельским учителем, и т. д. и т. д.

Впервые, насколько нам известно, слово „мутагаллиб“ в вышеуказанном, специальном смысле встречается (хотя, наряду с этим, встречается и в других значениях) в конце правления умайядской династии, а именно, во время возникших беспорядков и междуусобиц. „И назначил — говорит Якуби⁴, — абу-л-’Аббас (первый аббасидский халиф) Мухаммеда ибн-Сула правителем Армении, и тот выступил туда во главе многочисленной армии. В это время страна была захвачена („тагаллаба“) Мусафиром—ибн-Кусайром“ (преемником Исхака ибн-Масламы ал-укайли, последнего

наместника последнего халифа из дома умайядов в Армении). Наступившими в халифате в 749—50 гг. смутами воспользовались, повидимому, и другие влиятельные лица из бывших высших чиновников павшей династии или шейхов отдельных племён и племенных групп, во множестве рассеянных по всему Закавказью и Азербайджану,—с целью захватить ту или другую область и, если можно, отложиться от новой власти. Так, тот же историк сообщает⁵, что некий Вард ибн-Сафуан восстал во главе жителей Байлакана и укрепился в Собачьей (?) крепости قلعة كلاب. Однако, из слов названного историка не ясно, стремились ли, действительно, эти захватчики к полному отделению от халифата и образованию на этой отдалённой окраине полунезависимых или совершенно независимых маленьких княжеств, или это были просто лица, преданные низвергнутой династии умайядов и верившие, быть может, в возможность её восстановления. Как бы то ни было, попытки этих первых мутагаллибов ни к чему не привели, и все они поплатились жизнью. При Мансуре, наиболее сильном халифе аббасидской династии, таких попыток, повидимому, было очень мало, но при его ближайших преемниках число их начинает заметно расти в зависимости как от внешней, так и внутренней социально-политической обстановки. По мере разложения централизованного государства, каким был халифат, в разных его концах отдельные феодалы из местных народностей и поселившихся среди них арабских племён выступают с определёнными намерениями отложиться от халифата и закрепить за собой захваченные ими земли. Так, в 778—9 гг. некий Абдулкаххар захватил было („тагаллаба“), воспользовавшись движением мухаммаров, почти весь Джурджан, прогнав из него представителей центральной власти и тех, кто не пожелал примкнуть к его движению⁶; движение было жестоко подавлено, но не уничтожено, т. к. в 796—7 гг. оно снова вспыхнуло с новой силой и окончилось захватом всей области⁷. В том же году пробовал отложиться на границе Армении некий Хураша из влиятельного дома аш-Шейбани, игравшего, как увидим дальше, большую роль в Армении и Агвании (Албании), но его попытка не имела тогда успеха⁸. В 799/800 г. выступил в

Хорасане некий абу-л - Хасиб Вухайб-ибн Абдуллах, клиент Хурайши и захватил в свои руки („тагаллаба“) города Ниса, Абиверд, Тус (ныне Мешхед) и др. с их округами⁹. В 802/3 г. появился в Амиде новый мутагаллиб — Абдуссалам и „отложился“, но не надолго¹⁰, а в 804/5 г., или несколько раньше, отложились от халифа Харун-ар-Рашида (786—809 гг.) представители самых влиятельных владетельных персидских домов в Табаристане, Гиляне и т. д., Ширвин абу-Карин, Вандахормуз, предок Мадьяра (о котором речь дальше) и Марзбан, сын Джастана, владетеля Дейлама — на южном берегу Каспийского моря, но вскоре они примирились с халифом при содействии тогдашнего правителя Армении, Хузеймы ибн-Хазима¹¹. В халифатство того же халифа, не в меру и не по заслугам прославленного Харуна, почти вся Сирия попала в руки разных мутагаллибов, вышедших из разных слоев общества, до разбойников включительно. То же самое явление мы наблюдаем в это время и в Средней Азии, Египте, северной Африке, Армении, Грузии, Дагестане и т. д., причем, заметно, что процесс создания новых феодальных политических образований в этих последних странах и соседнем западном Азербайджане начался несколько раньше, чем в других провинциях халифата.

Мы уже видели, что первые мутагаллибы в Закавказье появились еще в правление первого халифа из династии аббасидов. Имеющиеся у нас сведения показывают, что появление их не прекращалось и при его преемниках, даже при свирепом и железном Мансуре. „И зашевелились (восстали) санариты¹² в Армении и в Грузии при Мансуре“ — говорит историк Якуби, хорошо знакомый с историей Закавказья, где он долго жил, а предок его Бадх, клиент халифа Мансура, управлял Арменией и Азербайджаном — „во все время халифатства абу-Джа'фара (Мансура)... Против санаритов или сенарийцев выступил сам правитель Армении, ал-Хасан ибн-Кахтаба, сразился с ними, но ничего не мог сделать“. Пришлось послать против них другого военачальника, Амира-ибн-Исмаила ал-Хараси, во главе двадцати тысяч воинов. Восстание, во главе которого стояли санаритские князья, было с большим трудом подавлено;

но уже при преемнике Мансура оно снова вспыхнуло, и „Армения снова отложила“, на этот раз до самого восшествия на престол Харун-ар-Рашида¹⁴. Только мерами того же Хузаймы ибн-Хазима удалось успокоить страну и привести ее жителей к покорности¹⁵, но при следующем правителе „дела в Армении снова расстроились, и жители Барды убили сборщика хараджа,—abu-с-Сабаха“¹⁶, а когда халиф послал против них карательный отряд, на помощь им пришли их соседи, жители Байлакана. Снова край был охвачен смутами, чем не замедлил воспользоваться постепенно оформлявшийся слой нозых феодалов—мутагаллибов. В Руйяне появился некий абу-Муслим, объявивший себя мутагаллибом; несколько раз он разбивал халифскую армию, захватил крепость Кияб („Собачью“), укрепился в ней, а затем двинулся против столицы Армении—Дебиля (Двина) и осаждал ее в течение четырех месяцев; оттуда он направился в Байлакан, где вскоре умер¹⁷. Одновременно с абу-Муслимом, объявился в Азербайджане другой мутагаллиб, Мухальхаль ат-Тамими, но он не долго удержался в захваченной им области¹⁸. Харун и его наместники в Закавказьи и Азербайджане напрягали все свои силы, чтобы остановить процесс разложения и распада государства. Но все было напрасно. Наступивший, было, при наместнике Язиде ибн-Маз'яде сравнительно спокойный период, в течение которого „батрики“ („патрики“), т. е. местные феодалы и цари, успокоились¹⁹, сменился бурным периодом, из-за, главным образом, беспощадной и суровой политики нового наместника, который круто обошелся с теми же батриками и другими феодалами края. „Он вызвал к себе—говорит Якуби—батриков и детей царьков, предал их мечу и вообще поступил с ними так жестоко, что вызвал снова восстание в Грузии и среди санарийцев, которое дорого обошлось государству. Наступившим брожением в Армении и Азербайджане не замедлили воспользоваться крупные феодалы—Абдулмалик ибн-ал-Джаххаф ас-Сулями и Мухаммед ибн-Аттаб в Армении и Мухаммед ибн ар-Раввад ал-Азди, Язид ибн-Билаль ал-Ямани, Мухаммед ибн-Халид ал-Хамадани, Осман ибн-Афкаль, али-ибн-Мурр ат-таи и другие в Азер-

байджане, начав давно подготовленное ими „отложение“ от багдадских халифов. Их планам в значительной степени содействовали возникшие непосредственно после смерти Харуна продолжительные и крайне разорительные для халифата раздоры между его сыновьями—Амином и Мамуном. Некоторое представление о создавшемся в это время положении в интересующем нас крае могут дать следующие слова Якуби, насколько мы знаем, единственного историка, у которого мы находим, хоть что-нибудь об этом темном периоде в истории Закавказья: „И назначил Мамун (813 — 833 гг.) правителем Армении и Азербайджана Тахира ибн-Мухаммеда ас-санани, и он отправился в Варсан, что в Азербайджане, и вступил в переписку с военачальниками Армении и представителями армии, и те присягнули Мамуну. В это время правителем Армении со стороны низложенного (т. е. Амина) был Исхак ибн-Сулейман, на стороне которого находились Омар ал-Хазун, Нарси, Абдуррахман, батрик Аррана, и некоторые другие батрики. Он (Тахир) выступил по направлению к Барде, чтобы наказать его жителей, прогнавших из него его сына“²¹. В происшедшем около Барды сражении Исхак ибн-Сулейман и его сторонники были разбиты на-голову, взяты в плен и отправлены к Мамуну. „Но не прошло и нескольких дней, как против Тахира восстал Абдулмалик-ибн-ал-Джаххаф ас-Сулями и отложился от халифа, а затем во главе байлаканцев выступил против Тахира и держал его в осаде в Барде в продолжение нескольких месяцев, пока его не выручил новый правитель Сулейман ибн-Ахмед ибн-Сулейман-ал-хашими, при котором страна несколько успокоилась. После (Сулеймана) правителем Армении был назначен (халифом Мамуном) Хатим ибн-Харсама ибн-Аюн. Его прибытие совпало с раздорами между мутазилитами²² и суннитами, которые так рьяно уничтожали друг друга, что чуть не погибли все; но (с прибытием нового правителя) они помирились. Не успел Хатим провести (в Армении) несколько дней, как получили известия о смерти (убийстве) своего отца и при каких обстоятельствах он умер²³; он тотчас же выступил из Барды и остановился в Кесале, где он построил укрепленный замок и решил отло-

житься. Затем он вступил в переписку с батриками и видными лицами из армян, а также с Бабеком (Папаком) и [его] хуррамитами, представив им дело (борьбы) с мусульманами не трудным, после чего действительно поднялся Бабек с хуррамитами и захватил Азербайджан²⁴.

С восстания папакитов—хуррамитов, поднявших против халифата и крестьянскую массу, в Азербайджане и в части Армении начинается, можно сказать, новый этап в истории института мутагаллибов в названных провинциях халифата и начало конца последнего. До этого момента действия отдельных мутагаллибов носили случайный характер,—не были согласованы между собой и были, так сказать, пробой сил. Картина резко меняется с 822 года. Папак, прежде чем поднять восстание против халифата, составил против него могущественную коалицию, в которую вошли иранские элементы западного Азербайджана, отдельные батрики Армении и Агвани, некоторые арабские мутагаллибы, курдские князья и, даже, пожалуй, Византия. В продолжение почти двадцати лет сравнительно небольшие и плохо вооруженные отряды горцев — мухаммаров и их союзников мужественно боролись с многочисленной и хорошо вооруженной халифской армией и неоднократно разбивали ее и обращали в бегство. Если верить арабским историкам, число павших в этой продолжительной войне со стороны халифской армии достигло 350.000 чел. Были моменты, когда отдельные части халифской армии теряли веру в свои силы и замыслили переход на сторону побеждавшего врага. Подозрительным казалось и поведение самого главнокомандующего армией Афшина Хайдара ибн-Кауса, явно тянувшего с окончанием разорительной и утомительной для непривыкших к горной жизни арабов войны. Повидимому, не без оснований по окончании войны Афшина Хайдара обвинили в потакательстве Папаку и тайных сношениях с ним, конечной целью которых являлось (как выяснило потом судебное следствие) помочь Папаку отделиться от халифата с тем, чтобы тот в свою очередь помог Афшину, потому что-то владетельных князей в Ашрусане, в Средней Азии, отделиться также от халифата и основать свое собственное

турецкое государство на своей родине. Судебное следствие, разбиравшее дело Афшина, подтвердило обвинение, и он был приговорен к смерти, не взирая на громадные услуги, оказанные им халифату в самые трудные моменты его жизни²⁵.

Здесь, конечно, не место разбирать, насколько это обвинение было обоснованным; для нас случай этот важен тем, что он наглядно показывает, как, начиная с этого времени, отдельные представители феодальной знати начинают более решительно подумывать об отделении от центра, который не внушал им уже „прежнего страха“, как говорит автор „ал-Фахри“²⁶. И нет никакого сомнения, что самый сильный удар „авторитету“²⁷ багдадских халифов нанесли именно дапакиты хуррамиты Азербайджана. Этот удар страшно ослабил центральную власть, отвлек ее внимание в течение двадцати лет в одну сторону (борьба с крестьянскими движениями) и тем усилил центробежные движения на других окраинах государства. Война с азербайджанскими хуррамитами впервые, можно сказать, показала всем врагам аббасидских халифов и их социально-политического режима, что страшный с виду колосс, распростерший свои тяжелые руки чуть ли не на половину тогдашнего культурного мира, стоит на глиняных ногах, и что стоит только сильно толкнуть его, чтобы он свалился и разбился на мелкие куски.

В нашу задачу не входит выяснение причин, приведших некогда сильное наследие Мансура к такому быстрому упадку; для нас важно лишь знать, что двадцатилетняя война в горах Азербайджана окончательно расшатала багдадский халифат и отдала его некогда гордых владык в руки турецкой солдатчины из купленных рабов²⁷ и других наемных солдат, в руки сильной бюрократии, придворной камарильи из евнухов и бывших рабов. Из этих элементов и богатых помещиков, число которых, особенно, в Месопотамии и Египте росло не по дням, а по часам (за счет старых земельных собственников и крестьян, тысячам сгонявшихся со своих земель под разными предлогами и по разным причинам) и складывался слой новых феодалов. К ним переходит и фактическая власть в халифате, а халифы постепенно

превращаются в простых марионеток, в послушных исполнителей воли и желаний новых феодалов. Два-три примера, взятых из той же книги „ал-Фахри“, наглядно покажут до какого жалкого состояния дошли аббасиды уже в полов. IX в. Уже второй преемник Мутасима, при котором было подавлено восстание папакитов, был вместе со своим первым министром зверски изрублен турецкими военачальниками—эмирами. С этого халифа, Мутаваккиля, о котором нам еще придется говорить, начинается целый ряд убийств или насильственных отстранений халифов.

„И восстали турецкие солдаты против халифа ал-Мутаза (866—869 гг.) и потребовали от него денег, но он отказал им в этом, сославшись на то, что в казнохранилищах нет денег. Тогда они решили низложить его и убить. Явившись к воротам его (дворца), они послали к нему (человека) с требованием, чтобы он вышел к ним. Халиф извинился, (что не может выйти к ним), так как он принял лекарство. Тогда они набросились на него и начали бить булавами; они разорвали ему рубаху и заставили стоять на солнце. От сильной жары халиф то поднимал ноги, то опускал их; при этом некоторые били его по щекам, которые он защищал руками. Затем отвели турки его в комнату и заперли за ним дверь; там он и скончался“²⁸.

О том же халифе сохранился другой рассказ, не менее характерный, чем предыдущий, и не менее поучительный.

„Когда халиф ал-Мутааз воссел на халифский престол, приближенные к нему лица, собравшись, пригласили астрологов и спросили их: „Скажите, сколько (лет) халиф проживет и как долго будет продолжаться его халифатство“. В числе присутствовавших на собрании лиц было несколько остряков, и один из них сказал: „Я лучше этих [астрологов] знаю, сколько халиф проживет и сколько лет будет царствовать“.—Сколько же лет он проживет и сколько будет царствовать?—спросили его.—„Столько, сколько пожелают турки“,—ответил остряк, вызвав своим ответом всеобщий смех“²⁹.

Таких примеров можно привести сколько угодно. Все они свидетельствуют об упадке и постепенном разложении багдадского халифата и захвате власти грубой солдатчиной и отдельными властолюбивыми лицами. За весьма редкими исключениями, — багдадские халифы не в состоянии были оказывать центробежным силам необходимое противодействие и вынуждены были поэтому мириться с тем, что отдельные лица отхватывали у них лучшие провинции и целые области; больше того, они часто вынуждены были даже санкционировать эти захваты, как мы увидим это дальше. Насколько широко пошел процесс разложения халифата в изучаемую нами эпоху, показывают следующие слова ибн-ал-Асира:

„Хорасан и Мавараннахр (Заамударье) — в руках саманидов, Бахрейн — в руках карматов, Йеменом владеет ибн-Табатаба, Исфаханом и Фарсом — бувейхиды, Бахрейном — Амманом — одна ветвь династии карматов, основавшая там самостоятельное государство, Ахваз и Васит захватил Муизз ад-Давла, Алеппо — Сейф-ад-Давла, Египет — Ахмед ибн-Тулун, а после него ихшидиты, фатимиды, эюбиты, мамлуки и др.“.²⁰

Автор приведенного отрывка, писавший в первой половине XIII в., говорит лишь о более крупных политических образованиях, возникших в течение IX—XII веков на развалинах аббасидского халифата и совершенно или почти совершенно отделившихся от него и часто даже враждовавших с ним, как, напр., карматы, фатимиды, и др. Но, одновременно с этими крупными феодалами и рядом с ними появились и более мелкие претенденты на наследство Мансура, пытавшиеся, иногда и не без успеха, отхватить себе ту или другую провинцию, небольшой округ или даже отдельный город с его ближайшими окрестностями с целью образовать из них более или менее самостоятельные княжества, эмирства, или просто сенъерии, на подобие тех, которые существовали в то время в Западной Европе. Вот к такого рода захватчикам — новым феодалам арабские писатели и применяют, главным образом, название „мутагаллиб“.

По мере ослабления центральной власти и разложения халифата, росло и число мутагаллибов. Начиная с тридцатых годов IX в., т. е. со времени подавления революционного движения в Азербайджане, не проходило года, чтобы где-нибудь на периферии халифата, а иногда и совсем близко от центра, не появлялся какой-нибудь мутагаллиб, а то и несколько сразу. Особенно много их было, по словам Табари, в восточной части халифата, где они настолько расплодились и усилились, что борьба с ними оказывалась порой не под силу багдадским халифам и их представителям на местах. Так, один из лучших военачальников халифской армии, Муса ибн-Буга, обратился в 874/5 г. к халифу Мутамиду с просьбой освободить его от командования армией на Востоке, „в виду обострения положения, множества мутагаллибов, захвативших отдельные части Востока и невозможности справиться с ними“. И, действительно, почти вся Персия, Армения в ее арабских границах (то есть со включением в нее Грузии, Абхазии (Албании), Ширвана и части Дагестана) очутились в руках различных мутагаллибов — феодалов, происходивших как из местных народностей, так и из завоевателей — арабов. Каждый из этих новых феодалов пытался, по мере своих средств и умения, укрепиться на захваченных им землях, и если можно, расширить их за счет своих соседей или за счет свободных еще от захватчиков государственных земель. В результате, почти вся громадная территория только-что упомянутых стран оказалась к этому времени в руках новых феодалов — мутагаллибов, названия, а также границы латифундий которых не всегда можно точно установить.

Если бы можно было составить точную политико-земельную карту этой части арабского халифата в описываемую эпоху, то она, по всей вероятности, во многом оказалась бы сходной с подобной картой Западной Европы X—XII вв., иначе говоря, она оказалась бы разбитой на множество то крупных, то более мелких, участков — феодалов, владельцы которых стояли не в одинаковой степени зависимости от главного сюзерена — багдадского халифа. На всех этих участках гордо

возвышались массивные укрепленные замки (касры) и почти недоступные крепости (кал'а), в которых сидели многочисленные и разноплеменные старые местные наследственные феодалы — армяне, грузины, агванцы, санарийцы, дагестанцы др., а также не менее многочисленный новый слой захватчиков — мутагаллибов, вышедших большей частью из рядов племенных шейхов, арабских военачальников, откупщиков и других высших государственных чиновников, обыкновенных клиентов и даже простых разбойников и холопов.

Всматриваясь внимательнее в тогдашнюю карту Закавказья, мы замечаем, что в восточной части Азербайджана находились обширные владения мутагаллиба Мухаммеда ибн-ал-Ба'иса ибн-Халаса ³¹. Рядом с феодами ибн-ал-Ба'иса тянулись обширные и богатые земли ибн-ар-Раввада, объявившего себя мутагаллибом при Мутаваккиле и засевавшего со своими аздитами в укрепленном им городе Тавризе ³². Ширван (в том числе, по всей вероятности, и маленькое тогда селение Баку) остался в руках своих прежних владетельных князей — ширваншахов, которых арабы-завоеватели оставили на месте, обязав их только платить ежегодно определенную дань и помогать им во время походов против хазаров ³³. Однако, часть Ширвана захватили маз'ядиды, которым принадлежали и богатые латифундии в Агвании (Барда). Благодаря тому, что отдельные представители этого влиятельного дома не раз управляли Арменией и Азербайджаном от имени багдадских халифов, маз'ядиды приобрели здесь большое политическое влияние и фактически стали независимыми. В Кабале и его округе сидел некий Анбаса-ал-Авар, или, как правильно (на этот раз) переводит это имя d'Ohsson, „Лев кривой“ ³⁴. Тифлис, Манглис и часть Грузии захватил мутагаллиб Исхак ибн-Исмаил ³⁵, клиент умайядов, построил там несколько укрепленных замков и крепостей и совсем отложился от багдадских халифов, т. е. перестал посылать в их столицу собиравшийся им харадж и разные подати. До Исхака отложился здесь Мухаммед ибн-Аттаб, опираясь на санаритов. Несколько позднее, а именно с половины X в., Тифлис и его округ захватываются (почти на сто лет) джафаритами. В Дербенте

княжили сначала хашимиты, а затем маз'ядиды и сулами-ты³⁵. Здесь отложился некий Хайюн ибн-ан-Наджим и обратился за помощью к хазарскому царю³⁶. Часть собственно Армении (Ахлат, Беркри, Арджиш и др.) заняли кайситы³⁷, другую часть (Двин и его область) заняли шехабиты³⁸. Арзан с его главным городом Битлисом захватили мутагаллиб Муса ибн-Зурара и его потомки³⁹. В Амиде сидел крупный феодал Иса-ибн-аш-шейх-шейбанит из племени Рабин⁴⁰. Равнину Арберани занимал представитель отманитов, восходящих к Аднану⁴¹. В Маназкерде сидел некий Abelkart или Abelbart (абу-л-Бард или абу-л-Харис). В Нахичевани отложился Язид ибн-Хусд⁴² и т. д.

Мы указали только самых крупных арабских феодалов в Закавказьи, из коих некоторым удалось основать здесь целые династии, управлявшие в течение иногда одного-двух столетий той или другой частью страны. Но, кроме этих крупных мутагаллибов, было здесь и много мелких, о которых арабские историки едва упоминают, довольствуясь часто стереотипной фразой: „И отложился (хала'а) там такой-то“ или „и объявил себя такой-то мутагаллибом в таком-то месте“. Это были феодалы-„метеоры“. Не находя себе достаточной опоры ни среди своих дружинников, ни среди местного населения, они быстро и навсегда сходили со сцены.

Рядом с арабскими мутагаллибами сидел в своих старинных замках многочисленный слой местных, туземных феодалов - князей, батриков, нахараров, меликов, тавадов и др., к которым арабские писатели часто также прилагают термин „мутагаллиб“. Так, в Агвании и некоторых других местах Армении сидели князья Багратуни⁴³, в Адамакерте и Васпуракане — их соперники, князья Арцруни⁴⁴, пока их оттуда не выгнали усилившиеся в IX в. те же Багратуни. В Тароне и его округе находились обширные владения Мамиконянов⁴⁵; им же принадлежала и часть Багреванда. В Сисакане княжили феодал Васак и его потомки⁴⁶; другая ветвь семьи Арцруни владела обширными землями в Ване и Востане. В крепости Гардмане сидел и оттуда управлял, как независимый феодал, своими большими латифундиями (что между Бардой и Тифлисом) батрик (патрик) Кытрыч⁴⁷.

Другой крупный феодал, Иса-ибн-Муса, племянник князя Стефаноса (Багратуни) владел крепостью Кесиш قیش в области Байлакана, в десяти фарсах от города Байлакана и пятнадцати от Барды, и богатыми землями в выше-названной области⁴⁸. В Арране находились обширные владения батрика (князя) Сахля ибн-Сумбата⁴⁹. Области Ширак и Багреванд до VIII в. принадлежали князьям Камсараканам, а после перешли к багратидам⁵⁰. Хаченом владел князь Атрнерсех⁵¹, который в 852 г., вместе с другими отложившимися армянскими князьями, был взят в плен военачальком халифской армии Бугой и отправлен в Самарру, тогдашнюю резиденцию багдадских халифов. В области Шакки (арм. *Shak'e*), что в Албании, находились богатые владения, укрепленные замки и крепости того же Сахля, сына Сумбата, который в 836/7 г. выдал главу антифеодального восстания в Азербайджане, Папака (Бабека) хуррамита, но который, несмотря на эту услугу, был в 853 г. взят также в плен и отправлен в Самарру, и т. д. и т. д., не считая более мелких феодалов, т. е. нахараров и меликов, находившихся в известной зависимости от первых*.

Таким образом все или почти все Закавказье, включая сюда Армению в том виде, в каком ее определяли арабские географы и историки того времени, включая Грузию, западную часть теперешнего иранского Азербайджана и почти весь Дагестан, к концу второй половины IX в. очутились в руках феодалов-мутагаллибов разных народностей и религий, не одинаковых по своему политическому и экономическому весу, но близких между собой в одном отношении: в своем желании отделиться от общего сюзерена — багдадских владык и зажить самостоятельной жизнью. Единства в действиях мутагаллибов против халифата мы не видим. За исключением отдельных случаев, о которых речь будет ниже, каждый из крупных феодалов действовал самостоятельно и на свой собственный риск и страх. Мало того, отдельные представители слоя новых феодалов-захватчиков, побуждаемые желанием расширить свои владения за

* Моисей Каганкатвацц. История Агвани, стр. 314 — 316.

счет своих соседей или более слабых, чем они, мутагаллибов, нередко вели между собой войны, интриговали друг против друга в Багдаде или у его представителей на местах, вступали в различные коалиции друг против друга, чем облегчали задачу центральной власти, давая ей возможность разбивать их отдельно, как это имело место в 852 г., когда армия багдадского халифа, под командой генералиссимуса Буги и его помощника Зирека, тоже турецкого генерала, одним ударом покончила (правда, не надолго) почти со всеми мутагаллибами Закавказья—как арабами, так и армянами, агванцами (албанцами) и другими⁵¹. Особенно часто происходили столкновения между армянскими владетельными князьями: Баградуни, Арцруни и другими. Армянские историки горько жалуются на непрекращающиеся распри и военные стычки между главными представителями армянских феодальных домов, что давало повод представителям центральной власти халифата вмешиваться в их дела, грабить обе воюющие стороны и опустошать страну.

„Действительно,—подтверждает издатель «Истории халифатов» Вартапет Гевонда на русском языке, проф. К Патканов— часто существовали между (армянскими) князьями несогласия и взаимная ненависть“. Но, не только ненависть, но и открытая война, как это видно из разных мест книги Фомы Арцруни — „История (князей) Арцруни“⁵². Не лучше обстояло дело у арабских мутагаллибов, хотя о взаимоотношениях между этими последними арабские историки говорят очень мало.

Постоянным столкновениям и соперничеству между мутагаллибами—арабами Закавказья способствовали племенные раздоры, перенесенные сюда со старой родины (из Аравии) и крепко сохранившиеся, вместе с пережитками племенного строя, до самого падения халифата. Так, мы знаем, что между низаритами, сторонниками феодальной семьи суламитов (утвердившейся в Армении со времени Юсуфа ибн-Рашида ас-сулами, назначенного Харуном ар-Рашидом правителем названной области) и преобладавшими здесь до этого времени йеменцами, сторонниками другой влиятельной семьи-хазимитской, происходили постоянные раздоры

и стычки из-за преобладания; раздоры эти временно прекратились в управление представителя третьей влиятельной здесь феодальной семьи-маз'ядитской, Язида ибн-Маз'яда, „одинаково относившегося к низаритам и йеменцам“⁵³. Усиление этой последней семьи в Арране и Армении вообще привело к новым осложнениям и бесконечным военным схваткам между арабскими мутагаллибами в Закавказьи, так как маз'ядиты-шейбаниты явились сюда не одни, а со своими клиентами „переведенными ими туда со всех концов (халифата)“⁵⁴. Ту же самую картину мы наблюдали и в западном Азербайджане, а также везде, где только арабские феодалы расположились близко друг к другу со своими племенами, клиентами, су'луками и другими приверженцами.

Несравненно более мирные, а местами — и прямо-таки дружеские, отношения существовали между арабскими мутагаллибами и местными наследственными феодалами — армянами, албанцами, грузинами и др.; по крайней мере, арабские историки нигде почти не говорят о столкновениях между этими двумя группами феодалов. Больше того, арабские историки часто говорят об установившихся между ними близких отношениях, о сотрудничестве между ними, о союзных действиях их против общего врага — халифов багдадских, о родственных связях между ними и т. д.; и это несмотря на то, что феоды и владения представителей двух вышеупомянутых групп находились рядом и часто переплетались между собой. Факты, подтверждающие это положение и наглядно рисующие создавшиеся в Закавказьи, в изучаемую нами эпоху, взаимоотношения между разноплеменными феодалами, будут приведены мною ниже, там, где будет речь о их силах, на которых опирался нарождавшийся в арабском халифате слой новых феодальных владетелей. Здесь же я позволю себе несколько задержаться на выяснении отношений центральной власти к усилившимся тогда феодалам, а также последних к первой.

Отношение багдадских халифов и их наместников на местах ко всем мутагаллибам, без различия их народности и религии, определялось следующими двумя основными соображениями: 1) заботой о политическом единстве халифата и 2) заботой об экономических и финансовых интересах самих халифов. Первое соображение, т. е. забота о политическом единстве халифата имело скорее теоретический характер, так как со времени возникновения самостоятельных государств в Испании, северной Африке и других местах, а также со времени появления религиозно-политических сектантов, имевших своих халифов или имамов, не могло быть и речи о политическом и религиозном единстве халифата*. Эту фикцию багдадские халифы и их юристы и историки усиленно поддерживали всякими правдами и неправдами исключительно ради сохранения халифского престижа в глазах мусульманского населения и плохо разбиравшихся в таких тонких вопросах неофитов из покоренных народов.

Совсем другое дело — фискальные интересы центрального правительства халифата: в этом вопросе были кровно заинтересованы не только сами халифы, но и разбухшая (при последних самостоятельных халифах) до невероятных размеров бюрократия халифата, как централизованного государства. Неаккуратное поступление доходов с той или другой провинции или значительное сокращение их губительно отражались на общем ходе государственного управления и вызывали массу нареканий, а также беспорядков, особенно со стороны наемных солдат, без которых халифат не мог обходиться уже со времени Мамуна и Мутасима. В этом вопросе багдадские халифы не могли идти добровольно на какие-либо уступки. Они скорее готовы были поступиться своей фактической властью в отдаленных провинциях, чем доходами с них. Этим, главным образом, и объясняется та упорная борьба, которую старались вести даже самые сла-

* См. об этом прекрасную статью академика В. В. Бартольда „Халиф и султан“ в журнале „Мир ислама“ за 1912 год.

бые из аббасидских халифов со всеми центробежными стремлениями крупных феодалов, поскольку эти последние посягали на доходы центральной власти. Можно привести много примеров в подтверждение того положения, что часто халифы сквозь пальцы смотрели на захваты отдельными лицами той или другой провинции, лишь бы только „захватчики“ (мутагаллибы) аккуратно вносили в халифскую казну требуемые подати или, по крайней мере, делились ими с ними. Я ограничусь здесь приведением лишь немногих данных.

При халифе Мамуне правитель Тифлиса и его округа Исхак-ибн-Исмаил ибн-Шуайб ат-Тифлиси отложился от халифата и, пользуясь наступившими в государстве смутами, перестал платить собиравшиеся им подати. На требования нового правителя Армении и Азербайджана, Хасана ибн-Али-ал-Бадагиси, доставить к нему в Двин собранные подати, Исхак, стараясь выиграть время, ответил уклончиво. Это заставило Хасана выступить против Исхака; но как только Хасан подошел к Тифлису, Исхак выступил ему навстречу, внес требуемую с него сумму, и представитель центрального правительства в стране „оставил его в покое“⁵⁵. В 273 г. (886—7 гг. н. э.) отложился от халифа Мухаммед ибн-абу-с-Садж, правитель Азербайджана и Армении⁵⁶; в 305 г. (917—8 гг. н. э.) отложился также его брат, правитель тех же провинций, и перестал посылать в государственную казну доходы с двух вышеупомянутых богатых провинций⁵⁷. Халифы распорядились послать против них многочисленные армии, но армии были разбиты на голову Мухаммедом и Юсуфом, что вызвало сильное волнение в массе багдадского населения, заподозрившего первого министра, ибн-ал-Фурата, в измене или, по крайней мере, в сочувствии Юсуфу ибн-абу-с-Саджу и его планам. Спустя два года счастье изменило Юсуфу, и он был схвачен и доставлен в Багдад, а затем брошен в тюрьму⁵⁸. Следовало ожидать, что такой преступник будет казнен; но у халифа не хватило на это смелости: он снова назначил Юсуфа правителем области ал-Джибаль и осыпал его всякими милостями, удовлетворившись с его стороны обещанием, что он аккуратно будет вносить доходы с новой про-

винции, каковое обещание Юсуф сдержал⁵⁹, не в пример другому, уже упоминавшемуся вассалу, Исхаку.

Та же история повторилась и с правителем Египта, Ахмедом ибн-Тулуном, основателем т. н. тулунидской династии, просуществовавшей около пятидесяти лет в долине Нила. Ахмед в 254 г. (868) был назначен правителем Египта, являвшимся самой богатой провинцией халифата⁶⁰. В 264 (877-8) г. он, с разрешения халифа, включил в свое наместничество также Сирию и задумал распространить свою власть и над священными городами⁶¹. Почувствовав же себя достаточно сильным, Ахмед поспешил совершенно отложиться от халифата и образовать свое собственное государство⁶². Бесильный халиф Мутамид ограничился тем, что проклял Ахмеда и приказал в 269 (882—3) г. проклинать его „на всех минберах“⁶³. Для вида он снарядил было армию из наемных солдат во главе с турецким генералом Исхаком ибн-Кундаджиком⁶⁴, но дело до схваток не дошло, ибо Ахмед скончался в 270 г.; преемник же его оказался более догадливым и дальновидным: он обязался посылать в государственную казну все, что останется от доходов вверенной ему провинции по удовлетворении всех ее нужд, чеканил имя халифа на своих монетах и поминал его в пятничной хутбе (проповеди); халиф со своей стороны поспешил послать ему „ал-ахд в-ал-ақд в-ал-хил'а“ (грамоту о назначении его правителем, военное знамя и подарки—халаты) и жениться на его дочери⁶⁵.

Той же политики держались аббасидские халифы данной эпохи и по отношению к армянским, грузинским и албанским батрикам—наследственным князьям и местным феодальным сеньерам из других закавказских народностей. Так, армянские и албанские мутагаллибы, увведенные в плен Бугой в 852 г., через пять лет вернулись к себе обратно и снова заняли свое прежнее положение, вернув свои привилегии⁶⁶. Известно также, что Ашот Багратуни, не принимавший участия в общем восстании закавказских туземных мутагаллибов 852 года, был в 885 г. облечен халифом Мутамидом (как сообщают армянские историки) высоким званием „батрик батриков“ Армении, получил от него богатые подарки и

чуть-ли не царскую корону (тадж)⁶⁷, а также очень широкие полномочия по управлению Арменией, и все это несмотря на то, что халифу было, конечно, известно, что Ашот не принял участия в коалиции закавказских мутагаллибов 852 г. не из любви к нему и к халифату вообще, а по особым соображениям личного характера, и что деятельность Ашота в основном была вредна интересам центральной власти халифата. Но состояние аббасидского халифата, тогда было таково, что его главе приходилось, как говорится, делать *bonne mine au mauvais jeu*, т. е. выбирать наименьшее из двух зол. Он шел на значительные уступки в области внутреннего управления, лишь бы только заметно не пострадали фискальные интересы халифата. А так как опыт давно убедил аббасидских халифов, что самыми аккуратными и сравнительно „честными“ собирателями податей являлись старые наследственные феодальные роды из среды покоренных народов, тесно связанные со своими областями, то они обычно охотно оставляли их на их местах, пользовались их услугами и смотрели сквозь пальцы на укрепление их связей со своими соплеменниками.

Только в редких случаях, и то неохотно, халифы эпохи упадка халифата прибегали к военной силе для усмирения своих закавказских вассалов из местных аборигенов, а именно, когда последние определенно отказывались вносить подати и исполнять наложенные на них при покорении страны обязательства (как это имело место, напр. во время восстания 852 г.). Прекрасной иллюстрацией к этой нашей мысли может служить маленький рассказ Табари об отношении халифа Мутаваккиля к казненному им в 851—2 г. Ашоту ибн-Хамзе (арм. Хамазаспу) из феодальной семьи Арцруни, владельцу округа Албаг (الباق): „Передают со слов Сальмы ибн-Сайдахристианина, что за несколько дней до своего убийства (халиф) Мутаваккиль увидел во сне Ашота, сына Хамзы-армянина. Его вид произвел на него тяжелое впечатление, и он приказал выкопать его (тело). «О эмир верующих, разве ты не любил его службы»,—заметили халифу. «Да, любил,—ответил халиф,—но несколько ночей тому назад я видел его во сне, как будто я сижу на нем верхом. По-

вернувшись ко мне,—при этом его голова напомнила голову мула, Ашот сказал:—«Доколе ты нас преследуешь? Ведь тебе, осталось жить без нескольких дней столько, сколько нужно чтобы исполнилось пятнадцать лет (твоему халифату)»⁶⁸.

Установившийся между халифами и их вассалами из местных наследственных феодальных родов в Закавказьи *modus vivendi* мог бы удовлетворить обе стороны, если бы он часто не нарушался третьей силой—представителями центральной власти на местах, которые, преследуя в большинстве случаев личные интересы (желание как можно скорее обогатиться за счет подвластных им крестьян и других зависимых социальных групп), ни перед чем не останавливались для достижения намеченной цели. Из бесконечного числа случаев т. н. мусадары *, о которых упоминают историки этого периода, легко видеть как быстро высшие чиновники на окраинах государства, населенных преимущественно не арабами, наживали громадные богатства. Это было хорошо известно халифам, которые, при отстранении того или другого правителя или собирателя податей от занимавшейся им должности, подтверждали его имущество мусадаре или по-просту вынуждали их делиться с ними награбленными суммами (эти суммы иной раз доходили до нескольких миллионов дирхемов). К каким мерам прибегали жадные и бессовестные халифские чиновники, чтобы выколотить у крестьян часто последний грош,—нам также хорошо известно. Малейший отказ или промедление со внесением требуемых очень часто незаконно и не во время податей влекли за собой самые ужасные последствия. Мы дальше увидим, как крестьяне, потеряв всякую надежду на справедливость властей и на сколько-нибудь сносное существование, массами бросали свои собственные или арендованные земли и уходили в леса и другие провинции. Здесь они превращались в обыкновенных разбойников—муталассисов, как их называют арабские историки, или в сулуков т. е. безземельных крестьян, толпами бродивших по всему халифату и предлагавших свои руки феодалам и помещикам, которые нуждались в рабочих и могли их приютить и накормить⁶⁹.

* Секвестра имущества.

Здесь же мы должны отметить, что крупные закавказские феодалы из местных народностей в силу того, что они отвечали перед правительством за аккуратное и своевременное внесение податей и всяких повинностей с полу- или вполне зависимых от них крестьян, — их положение (в период когда халифат был еще достаточно силен) было не из легких. И часто за действия арабских наместников им приходилось расплачиваться своим карманом, а то и головами. Это обстоятельство в связи с другими причинами, о которых мы отчасти говорили выше, вызывало среди местных феодалов постоянное недовольство центральной властью и ее агентами на местах, поддерживало мятежный дух среди них и побуждало их к отделению от своих „угнетателей“ при первой же возможности.

Без преувеличения можно сказать, что вся история Закавказья за IX-X вв. проходит под знаком борьбы многочисленного слоя мутагаллибов с центральной багдадской властью борьбы, в которой успех не так часто бывал на стороне последней. Создавшееся тогда крайне неустойчивое положение в Закавказье можно охарактеризовать словами одного из современников, историка Баладзори, сказанными им об армянских и албанских батриках.

„Армянские батрики продолжали жить в своих округах, защищая каждый свой участок. Когда к ним приезжал какой-нибудь правитель — амир, — его старались обойти, причем, если они замечали, что он неподкупен, строг и располагает достаточной военной силой, — вносили подати и изъявляли ему покорность, если же нет, — они считали его слабым и пренебрежительно относились к нему“⁷⁰.

Несколько ниже тот же автор пишет:

„После этого Арменией управляли такие лица, которые снисходительно относились к ее населению и довольствовались (взиманием лишь) незначительной части хараджа“.

В виде примера он называет Хасана ибн Али-ал бадагиси, правителя Армении при Мутасиме, который будто бы „пустил батриков и нахараров Армении и так мягко обходился с ними, что они еще хуже стали вести себя по отношению к султану (халифу или власти вообще) и крайне

жестоко по отношению к находящимся под их властью людям".⁷¹

Этой слабостью наместников багдадских халифов и объясняется, по мнению нашего автора, отложение от халифата большинства армянских и других батриков в Закавказьи, отложение мутагаллиба Исхака ибн-Исмаила в Тифлисе, восстание батрика Аррана Сахля ибн-Сумбата против заместителя наместника халифа и убийство Сахлем его секретаря Юсуфа. Автор прав только в том отношении, что указанные им факты могли совершаться благодаря, главным образом, слабости центральной власти и злоупотреблениям ее агентов на местах. Побуждения же к восстанию феодалов восставших против халифата были совсем другие.

III

Говоря о мотивах к отложению и целях, преследовавшихся закавказскими и азербайджанскими мутагаллибами разных народностей и религий, мы не можем не отметить известного различия в действиях между арабскими и неарабскими мутагаллибами. В то время, как арабские мутагаллибы все время стремились к полному отделению от багдадских халифов и к образованию вполне самостоятельных политических единиц, армянские и другие не арабские феодалы обычно довольствовались расширением своих сеньориальных прав в отношении управляемых или, вернее, эксплуатируемых ими областей. Как видно из арабских и армянских нарративных источников, большинство движений, происходивших в Армении, Грузии и Албании в изучаемое нами время, было направлено почти исключительно против наместников халифов и собирателей податей на местах; они вызывались их злоупотреблениями и вымогательствами и не преследовали целей полного отделения от халифата. Известно, например, что почти что поголовное восстание закавказских не арабских феодалов при Мутаваккиле, в котором, впрочем, приняла участие и часть арабских мутагаллибов, было спровоцировано жестокими и бестактными действиями вновь назначенного наместника Армении, Юсуфа ибн Мухаммеда, грубого солдафона, совершенно незнакомого с особенностями вверенного ему края.

„Несколько позднее, — говорит Баладзори — а именно во второй год своего халифатства, повелитель правоверных ал-Мутаваккиль аля-л-лах правителем Армении назначил Юсуфа ибн-Мухамеда ал-Мервези. По прибытии в город Хилат (Хлат), Юсуф арестовал его батрика—Баграта, сына Ашота и отправил его в Сурра-ман-раа (Самарру). Этим он вызвал недовольство батриков, нахараров и (арабских) мутагаллибов. Но этого мало: один из подчиненных Юсуфу окружных начальников, по имени ал-Аля-ибн Ахмед, явившись в один монастырь области Сисакана, известный под названием „монастырь потиров“ (чаш) и весьма почитаемый армянами, приносившими туда много пожертвований, забрал все, что было в нем и оскорбил его обитателей. Это вызвало крайнее возмущение среди батриков, и они стали переписываться между собой и подстрекать друг-друга к восстанию и отложению“⁷².

Таковыми же причинами нужно объяснить и ряд других восстаний и попыток отложиться от халифата со стороны закавказских не-арабских феодалов и вождей не-арабских племен. Батрики и куропалаты Армении и Грузии в своих же интересах готовы были аккуратно вносить халифам (и действительно вносили) требовавшиеся с них подати, точно определенные при завоевании края, но только с условием, чтобы багдадские властелины защитили их от вымогательства местных представителей арабской власти, а также не посягали на их привилегии, коими они пользовались еще в эпоху сасанидов. Батрики тем охотнее шли на это, что размер хараджа, возложенного на них при их покорении арабами, не был вовсе обременительным⁷³. Мне кажется даже, что феодалы не-арабских народностей в Закавказьи не были заинтересованы, по крайней мере в это время, в уничтожении халифата или полном отложении от него, ибо халифы, как мы выше сказали, до известной меры поддерживали в своих же интересах эту феодальную группу, признавали за ней ее старые привилегии и никогда не думали уничтожить ее. Утвердившийся политико—административный режим, вопреки имени некоторых исследователей, был выгоден для обеих сторон; халифам он обеспечивал аккуратное поступление доходов,

с этих богатых провинций, а местным феодалам—сохранение их привилегированного положения и возможности эксплуатировать зависимых крестьян.

Кроме того, вхождение в состав халифата закавказским местным феодалам обеспечивало защиту от нападений варварских хазарских племен—с севера и византийцев—с запада; обеспечивал выгодную для местных феодалов торговлю с странами мусульманского мира и т. д. С другой стороны халифам, занятым в это время по горло другими задачами, не было никакого смысла возбуждать против себя еще сильных феодалов Закавказья какими-либо новыми требованиями, или пустыми придирками, а тем более сознательным стремлением к уничтожению старых местных наследственных сеньоров, как это думал профессор К. Патканов, переводчик „Истории халифов“ Гевонда-вардапета.

„Арабы—утверждает он—следовали политике самой коварной и в то же время действенной: она состояла в поголовном истреблении князей и предводителей народа“⁷³.

Такой взгляд противоречит всем историческим фактам и не может быть ничем подтвержден. Неправильность такого взгляда легко проверить на примерах, взятых хотя бы только из истории Закавказья и западного Азербайджана. Арабские историки единогласно свидетельствуют о том, что при завоевании арабами названных стран, представители последних—местные царьки, князья, ханы, и другие, остались на своих местах, сохранив за собой свои земли и большую часть своих привилегий. Говоря в частности об армянских (также грузинских и албанских) князьях, Баладзори уверяет, что „они продолжали жить в своих владениях, защищая каждый свою область“.

Тот же историк сообщает, что когда будущий (и последний) халиф из умайядов, Мерван ибн-Мухаммед, наместник халифа Хишам в Армении и Азербайджане, совершил в 742 г. поход против хазар разорявших частыми своими набегами Ширван, Албанию (Агванию) и др. закавказские области, то с ним были „и цари гор“ (т. е. дагестанские владетели)⁷⁴. Несколькими дальше тот же Баладзори говорит:

„Мерван наложил (на жителей Ширвана) десять тысяч мер ежегодно и обязал владельца Ширвана быть в авангарде мусульманской армии всякий раз, когда она совершает поход в землю хазар, и в арьергарде, когда возвращается оттуда. И обязал Филаншаха участвовать только в походах с мусульманами, а Табасараншаха обязал быть в арьергарде при вторжении и авангарде при возвращении мусульманской армии из похода“⁷⁶. Следует также вспомнить о том, сколько армянских и других батриков приняли участие в восстании 852 года и о том, что все они, после пятилетнего пребывания в резиденции багдадских халифов, все же вернулись домой живыми и здоровыми и снова заняли свои наследственные владения, — чтобы убедиться, что у арабов не было никакого желания „истребить всех князей и представителей“ покоренных народов.

В подтверждение правильности нашей точки зрения мы могли бы привести еще много примеров как из истории интересующих нас областей, так и из истории Персии, Средней Азии и других стран, но в этом нет никакой надобности, так как из историков Запада никто не оспаривает правильности этого взгляда.

Исключения из этого общего правила были крайне редкими и вызывались они всегда частными случаями — вредной деятельностью того или другого князя, батрика и т. д. Даже в этих случаях центральная арабская власть весьма редко прибегала к крутым мерам. Известно, между прочим, что во время второй арабской междуусобицы, почти все Закавказье отложилось под водительством своих царьков и князей от халифата и тем нарушило заключенное завоевателями договоры; с приходом к власти Абдулмалика (685-705 гг.) оно снова подчинилось и согласилось платить усиленные подати, причем никто из нарушителей договоров не пострадал. То же самое произошло при переходе власти к новой аббасидской династии. „Армяне — говорит Баладзори — во главе с [батриком] Мушайлом (Мушегом) подняли восстание в правление Хасана ибн-Кахтабы ат-таи“⁷⁸, но оно окончилось разгромом восставших и смертью батрика. Восстание впрочем было направлено против наместника Хасана, но не

против халифа. Такие же явления имели место в Грузии, Албании и других провинциях Закавказья. Уже одни эти, повторявшиеся из года в год, массовые восстания ясно показывают, что подвластные арабам народы (особенно их низшие классы) не были довольны своим положением, и я, разумеется, доказывая неправильность взгляда проф. Патканова и некоторых других на политику арабов по отношению к представителям покоренных народов, вовсе не хочу сказать, что этим народам жилось хорошо под тяжелым игом арабов. Я только утверждаю, что отношение арабов к феодалам из коренного населения, с другой стороны — к низшим его классам в Закавказье в IX-X вв. было разное. И если бы не злоупотребления отдельных представителей центральной власти на местах и стремления некоторых мутагаллибов расширить свои владения за счет своих собратьев (т. е. местных феодалов), то таких восстаний и такого стремления к сбрасыванию чужого ига в IX-X вв. в Закавказье, со стороны местных феодалов, не было бы. Христианские царьки, батрики, князья, нахарары и другие многочисленные представители феодального класса продолжали бы сидеть спокойно в своих великолепных укрепленных замках и роскошно и весело жить на счет своих холопов — „улуджей“ которых установившийся к этому времени в халифе режим полагал им стричь безнаказанно.*

Таков в общем характер установившихся к вышеуказанному нами времени взаимоотношений между багдадской властью и неарабскими феодалами в Закавказье и Азербайджане.

Несколько иначе должны были сложиться отношения между той же властью и арабскими мутагаллибами в тех же провинциях. Последние не могли, разумеется, жаловаться ни на притеснения со стороны представителей центральной власти, ни на тяжелые земельные подати, ибо как мусульмане, они вносили только ушр (десятину). Они не могли

* „Пусть никто не думает,“ — писал Буге-Иса ибн-Муса, арранский феодал, участвовавший в восстании 852 г., — что я восстал против халифа и что поэтому неоднократно сражался с его войсками.“ См. *Histoire d'Ardzrouni*, 149.

также пожаловаться на обиды со стороны своих соседей — армян, грузин и др. Арабские мутагаллибы жили богато и почти независимо на лучших землях, захваченных ими при завоевании края, и в их руках фактически находилась почти вся власть на местах, так как высшие чиновники выбирались обыкновенно из их среды или находились под их влиянием и сильно считались с ними. Потому-то багдадские лифы справедливо считали арабских мутагаллибов несравненно более опасными (с точки зрения единства государства и его дальнейшего существования), чем спорадически вспыхивавшие, разрозненные восстания среди закавказских феодалов не-арабов или попытки некоторых из них уйти из под арабского господства. Арабские мутагаллибы IX-X вв. с самого начала открыто стремились к расчленению государства на отдельные самостоятельные княжества или шейхства (сеньерии), которые были бы связаны с халифами лишь религиозными узами, как это установилось несколько позднее в Западной Европе между отдельными светскими государями и римскими папами. Этим стремлениям арабских мутагаллибов способствовал, между прочим, начавшийся упадок государства аббасидов.

Сознавая, какую опасность представляют собой мутагаллибы, багдадские халифы боролись с ними всеми средствами. Мы видели, как легко сравнительно отделились в 852 г. закавказские старые наследственные местные феодалы восставшие против халифа. Не то было с их сообщниками, новыми феодалами — арабскими мутагаллибами в Тифлисе, Армении и персидском Азербайджане; последние большей частью заплатились своими головами тут же, на месте, или в резиденции халифов, куда они были посланы в кандалах свирепым Бугой. Однако, несмотря на эти суровые меры, число мутагаллибов в Закавказьи и других местах продолжало заметно расти, а их попытки отделиться от начавшего уже разлагаться халифата продолжали повторяться до самого падения последнего, т. е. до конца X в., когда преемники халифа Мансура превратились, сначала в руках персов-бувейхидов, а затем — у турок-сельджуков, в простых подставных лиц и „жалкую тень прежнего величия“⁷⁹.

Стоит только бросить взгляд на историческую карту халифата в указанную эпоху, чтобы сразу увидеть, как сильно-сократились его размеры и как, наоборот, постепенно расширялись владения новых феодальных владетелей мутагаллибов, точно железными обручами сжимавшую небольшую багдадскую область, остававшуюся еще „в руках халифов“. „Власть более поздних халифов—замечает наблюдательный автор «ал-Фахри» — простиралась на область Багдада и только так, что даже Иrbиль, находившийся чуть ли не у самых ворот Багдада, не подчинялся им“, а когда он позднее, при халифе Мустансире, был вновь завоеван, и весть об этом была получена по голубиной почте в Багдаде, то в столице Мансура и Харун-ар-Рашида „было великое ликование, и город был разукрашен... и это из-за какой-то крепости Иrbиль, которая теперь (в XIII в.) считается самой жалкой и ничтожной“⁸⁰. Железное кольцо должно было быстро суживаться, подвигаясь к центру халифата и все сильнее его сжимая.

С падением Багдада в 945 г. и переходом фактической власти в халифате к одному из персидских мутагаллибов, основавшему целую династию—бувейхидскую (просуществовавшую, и не без успехов, более ста лет), развязались руки и у закавказских мутагаллибов. Они почувствовали себя более свободными и начали действовать смелее. Будучи заняты укреплением своего положения в центре халифата и северо-восточной Персии, бувейхиды мало или вовсе никакого внимания не обращали на Закавказье и западный Азербайджан. Этим воспользовались местные феодалы и их соседи, арабские мутагаллибы, и окончательно отделились от халифата. Ширван был окончательно и на долго, почти до конца четвертого столетия хиджры (первая пол. XI в. хр э.), захвачен маз'ядитами, создавшими здесь целую династию, известную также под названием ширваншахов⁸¹. В Дербенде прочно осели хашимиты, основавшие также свою собственную династию, просуществовавшую почти до конца пятого века хиджры, и, следовательно, пережившую первых сельджуков. Армянские, грузинские и другие князья Закавказья объявили себя самостоятельными и перестали платить

багдадским халифам джизью и харадж. Мало того, они начали захватывать свободные государственные земли и вытеснять оттуда арабов и других мусульман, как об этом свидетельствует ибн ал-Асир, говоря, что „румы (византийцы) и армяне захватили ваши (мусульм.) земли“⁸². В другом месте тот же историограф сообщает, что в то время „цари Армении были из армян и курдов“⁸³.

Закавказские феодалы, при своем продвижении на юг, столкнулись с начавшими к этому времени усиливаться феодалами из Дейлема⁸⁴, известными под названием „вахсуданитов“ или „саларитов“. Последние проникли в южную часть Закавказья, захватили Муган и некоторые другие области и города и часть собственно Армении, как об этом можно судить по следующим словам ибн-ал-Асира:— „Джастан (сын Салара, марзбана Азербайджана) решил захватить (тагаллаба) Армению, правителем (вали) которой он был“⁸⁵. Не подлежит во всяком случае спору, что при нашествии „руссов“ в 943/4 г. на Барду, последняя принадлежала не албанскому батрику или арабскому мутагаллибу из дома маз'ядитов, а Марзбану ибн-Мухаммеду из дома Саларидов или дейлемитам вообще, при чем от имени марзбана городом управлял его испахбед⁸⁶.

Как длительно и насколько простиралась власть дейлемитов на севере Закавказья и, в частности, в Армении и Албании,—трудно сказать. Повидимому все же не слишком далеко и не долго, так как начавшиеся в скором времени раздоры в самой семье вахсуданитов—между дядей и племянниками⁸⁷,—и продолжительная война дейлемитов с предводителем азербайджанских курдов, Дейсемом⁸⁸, значительно ослабили эту династию и не дали ей возможности твердо обосноваться в захваченных ею местах (за исключением, как мы уже сказали, юго-западной части Закавказья и персидского Азербайджана). Что же касается северной части Закавказья и восточного Азербайджана, то в первой власть целиком перешла в руки местных феодалов и арабских мутагаллибов, маз'ядитов и других, а во втором—в руки арабских, курдских и арранских династов, основавших здесь свои маленькие государства или, вернее, независимые сеньерии, про-

существовавшие до завоевания края турками—сельджуками и отчасти уцелевшие даже при них.

Из арабских феодальных династий в указанной части Азербайджана наибольшей известностью и политическим значением пользовалась тогда династия раввадитов, основанная в Тевризе Раввадом ибн-ал Мусанной ал-азди в конце второй половины второго века хиджры и просуществовавшая до конца первой половины V века хиджры⁸⁹. За ней шла сеньерия баиситов, начало которой положил в Маранде Хальбас абул-Ба'ис. Эта сеньерия просуществовала недолго, так как уже при внуке Хальбаса (Мухаммеде ибн-ал-Ба'исе) она была ликвидирована войсками халифа Мутаваккиля в 234 (848/9) г. после упорной и продолжительной войны. Была ли она восстановлена позднее потомками Мухаммеда—об этом мы не знаем, как не знаем ничего ни о дальнейшей судьбе раввадитов и других арабских мутагаллибов в Закавказьи и Азербайджане, ни о судьбе арабских колоний вообще в этих краях. Но едва ли мы ошибемся, если скажем, что как владетельные арабские феодалы, так и самые арабские колонии, на которые они опирались здесь, со временем слились с местным населением и растворились в нем. Мы уверены, что всестороннее изучение населения Закавказья и, в частности, советского и персидского Азербайджана обнаружит со временем остатки этих колоний и более или менее точно определит время, когда завершился процесс слияния арабов с местным населением. На Мугани, в Шемахинском Кубинском и других районах Азербайджанской советской республики и до сих пор еще встречаются селения, названия которых Араблар, Арабшахвердилар, Арабкенд и др. определенно указывают на то, что они когда-то были населены арабами. Известно также, что многие роды феодалов и духовенства в Азербайджане и Дагестане ведут свое происхождение от арабов завоевателей. То же самое нужно сказать и об арабских феодалах персидского Азербайджана, которые, судя по некоторым данным весьма рано начали сливаться с иранским населением и подвергаться его влиянию. Арабские историки сообщают, что уже Мухаммед-ибн-ал-Ба'ис, марандский мутагаллиб времени халифа Мутавак-

жилы (847-861 г. хр. э.) говорил прекрасно на персидском языке—языке громадного большинства его соседей—феодалов и части его крестьян, а также писал на нем стихи. То же нужно сказать и о раввадитах, сидевших в Тавризе и его округе, которые через несколько поколений настолько обирались, что стали носить чисто иранские имена (Вахсудан, Манучахр и др.). Повидимому, больше всего арабский язык и арабские феодалы сохранились в Дербенде, где со времени похода Мусайлимы ибн-Абдулмалика имелась большая и сильная арабская военная колония. Но от этой колонии и от бывших там феодалов ничего не сохранилось.

IV

Из сказанного выше видно, что некоторым мутагаллибам Закавказья и Азербайджана удалось не только крепко и надолго обосноваться в чужих для них краях, но и основать там более или менее оформившиеся феодальные образования, управляемые их династиями, из коих некоторые пережили само арабское владычество в этих краях.

Из всего этого сам собой возникает вопрос:—какими силами располагали для этого новые арабские, да и вообще закавказские феодалы или, другими словами,—на какие социальные элементы они опирались, открыто выступая иногда против центральной власти, и какими средствами они пользовались для достижения поставленной ими перед собой цели?

Что касается феодалов не-арабов, то известно, что в своих выступлениях они пользовались, как физической силой, главным образом своими холопами—улуджами (которых есть основания считать почти крепостными), а также свободными горными крестьянами—санаритами, занимавшими горы между Бардой и Тифлисом, и хуситами, составлявшими, как говорит Табари, „массу горного армянского населения“. Та и другая категории крестьян, некоторые местные феодалы (напр., армянские) в борьбе за независимость своих округов и в стремлении к обособлению, как от халифата, так и от более сильных соседей или чужих феодалов,

стремились (и не без успеха) опираться на сохранившиеся еще группы свободных крестьян. Так, м. п., после вероломного поступка наместника халифа в Армении, Юсуф ибн-Мухаммеда с главным батриком (князем) Армении, Баграмом, сыном Ашота, явившимся к нему добровольно с просьбой об амане⁹⁰ (помиловании, пощаде), — против Юсуфа поднялись все батрики со своими крестьянами, и в частности, хуситами⁹¹. Армянские батрики, сообщает Ба-ладзори, вступили в переписку между собой и побуждали друг друга к восстанию и отложению; они подстрекнули также хуситов — улуджей, известных под названием артанов, к восстанию против Юсуфа и возбудили их против него за то, что он выслал их батрика. В помощь хуситам все батрики и арабские мутагаллибы послали пешие и конные отряды, которые напали на Юсуфа (в Тароче), убили его и захватили все, что было в его лагере⁹¹. Неоднократно обращались феодалы Кавказа и к т. н. санарийцам и те поддерживали их в их постоянной борьбе с представителями центральной власти, не раз ставя последних в критическое положение. Далее, как это мы видели выше в самые трудные моменты, когда опасность угрожала всем, закавказские феодалы, забыв на время свои домашние ссоры, выступали против общего врага.

Наконец существенную помощь местным феодалам оказывали иногда и арабские мутагаллибы, политические и экономические интересы которых властно толкали их к сближению с первыми. Вышеуказанный случай, когда арабские мутагаллибы явились со своими конными и пешими отрядами на помощь туземным батрикам, восставшим против наместника багдадского халифа, не является, как мы увидим дальше, единичным. Употребленная Якуби форма множественного числа — „мутагаллибун“ — показывает, что на помощь армянским и грузинским феодалам пришел в 851/2 г. не один только Муса ибн-Зурара, арзанский мутагаллиб, свя-занный узами родства с пострадавшим армянским батриком, но и некоторые другие. И это вполне понятно, так как с постепенным разложением багдадского халифата, и усилением местных феодалов, почти об'единившихся под

властью Ашота I, некоторые арабские мутагаллибы считали для себя более выгодным связаться с местными династиями, чем с главным, но обреченным на верную смерть, багдадским сюзереном. Такая тенденция проглядывает во многих действиях арабских мутагаллибов, между прочим и в том, что лучше всех обращались с местным населением и его представителями наместники, назначавшиеся халифами из поселившихся в Закавказьи арабских феодалов, в частности, маз'ядиты.

Как бы то не было, не подлежит никакому сомнению, что некоторые, по крайней мере, местные феодалы в случае нужды могли рассчитывать и на помощь своих соседей, т. е. арабских мутагаллибов. Что же касается этих последних, то главной их опорой в чужой стране в их стремлении к обособлению от халифата служили их единоплеменники, с которыми они поселились при завоевании края или несколько позднее.

Известно, что арабская армия состояла из отдельных племен или кланов, которые выступали в поход под начальством своих собственных шейхов и в сопровождении своих семей⁹². Завоевав ту или другую страну, армия обыкновенно делила между собой свободные в ней земли и селилась на них отдельными кланамы, почти ничем или мало чем между собой связанными, мало того, очень часто враждовавшими между собой. Этот клановый или племенной характер арабская армия сохраняла даже в занятых ею городах: отдельные кланы жили в разных кварталах, отделенных иной раз друг от друга высокими стенами. Этот порядок со всеми его отрицательными сторонами строго соблюдался арабами до самого падения их государства, и не мало содействовал этому падению. Все усилия центрального правительства халифата уничтожить эти пережитки родо-племенного строя ни к чему не приводили. Центральной власти оставалось только заботиться о сохранении хотя бы на время равновесия между отдельными племенами или кланами на местах. Это, обычно достигалось назначением во вновь завоеванных странах военачальников и наместников из представителей наиболее сильных в данной области племен или кланов. Так было в

Сирии, Месопотамии и Египте, так было за весьма редкими исключениями, и в самых отдаленных от центра областях:

Этим, нужно думать, объясняется и то явление, что правители, назначавшиеся в ту или другую отдаленную от центра провинцию, где у них не было единоплеменников или таковые были в недостаточном для поддержания их престижа количестве, обычно являлись туда со всем своим кланом и своими многочисленными клиентами и рабами⁴.

„На место Хузаимы ибн-Хазима (ат-тамими),— говорит Якуби⁵¹—(Харун) ар-Рашид назначил правителем Армении Юсуфа ибн-Рашида ас-сулями, и тот переселил в нее часть низаритов, так что в это правление их число значительно возросло, тогда как до него преобладали йеменцы. Вслед за ним, ар-Рашид назначил (на ту же должность) Язида— ибн-Маз'яда ибн-Заида аш-шейбани, и тот переселил туда со всех сторон рабитов, которые и составляют в настоящее время главную часть (арабского населения края).. После Язида правителем был назначен Абдулкадир ибн-Абдулхами из потомков Зайда ибн ал-Хаттаба ал-адави... и он отправился туда во главе части населения Диар-Мудара (т. е. мурадитов)⁴.

Ту же картину мы видим и в соседней с арабской Арменией провинции в Азербайджане. „Когда арабы заняли Азербайджан,—сообщает Баладзори⁵⁵—то туда устремились племена из «двух краев» (Куфы и Басры) и из Сирии, при чём каждое племя захватило («тагаллаба») то, что могло захватить, но некоторые приобрели за деньги у аджемов (не-арабов) земли. Кроме того, под их защиту перешли добровольно* некоторые селения, так что их население превратилось в их (собственных) крестьян“.

Несколько ниже⁵⁶ тот же писатель сообщает, что в Тавризе расположился сначала ар-Раввад ал-азди, а затем его сын Важна, который вместе со своими братьями построил в нем разные здания и укрепил его стеной. Вместе с ним (ар-Раввадом) поселились здесь и другие люди его племени.

* Коммендация, формально — добровольная, фактически — вынужденная.

„Что касается Мияниджа (нын: Миянэ) и Халбасы, то в них расположились хамданиты... Округ Барзы заняли аудиты, один из коих расположился в его главном городе, вызвал туда много (своих) людей и построил там укрепленный замок. Здесь был воздвигнут в 239 (853/4) — минбар⁹⁷ вопреки желанию аудита... В этом городке (Нарире) засел Мурр ибн-Алир ал-Маусили ат-таи, который воздвиг в нем разные здания и поселил в нем свое потомство. Со временем, потомки Мурра построили в Нарире замки, благоустроили его, построили базар в Джабарване и расширили его. Султан (халиф) отдал Нарир в полное их распоряжение, так что они управляли им независимо от наместника Азербайджана. Наконец, в Сарате расположилась часть (племени) кендитов; это были как мне сообщил некоторые из них, потомки тех, кто был (при завоевании края) с ал-Ашасом ибн-Кайсом ал-Канди“. В центральной части Армении расположилась часть кайситов; один из шейхов которых, Муса ибн-Зурара положил начало целому феодальному дому, игравшему значительную роль в середине IX в. Другую часть той же Армении (Двин и др.) заняли шехабиды. В Амиде сидел Иса ибн-аш-Шейх, тоже шейбанит из племени Рабии. Область Арберани захватили отманиты, восходящие к Аднану, т. е. йеменитам.

Мы перечислили только главных арабских мутагаллибов в Закавказьи и западном Азербайджане, сумевших отвоевать себе в чужой стране полунезависимые, а временами и вполне независимые государственные образования. Из приведенного выше неполного перечня арабских феодалов видно, что все или почти все они были шейхами, т. е. главами своих племен или, чаще, отдельных кланов, которые служили им главной, а часто и единственной опорой как в борьбе с центральной властью, от которой они все время стремились эмансипироваться, так и со своими соседями — другими арабскими или местными феодалами. Так, когда в 848/9 г. хр. э. крупный азербайджанский феодал ибн-ал-Ба'ис отложился от багдадского халифа и был последним объявлен мутагаллибом (захватчиком), против которого неоднократно посылалась халифская армия, он глав-

ную поддержку нашел в своих единоплеменниках-рабитах. То же самое нужно сказать о других мутагаллибах.

Однако, некоторые из них, вышедшие повидимому, не из племенных шейхов или не располагавшие на захваченных территориях достаточным количеством своих одноплеменников, или, наконец, считавшие людей своего племени недостаточной опорой, пользовались поддержкой и других элементов: мѣстных работавших и на их обширных латифундиях, полунезависимых крестьян, безземельных крестьян, сулуков, наемных воинов, как из местных жителей, так и из беглых рабов, а также клиентов, свободных арабов и даже простых разбойников-муталассисов, число которых у некоторых мутагаллибов доходило до нескольких десятков тысяч. Все эти элементы ожидали от падения власти халифата улучшения своего положения. Об известном тифлисском мутагаллибе Исхаке ибн-Исмаиле, происходившем из клиентов омейядской династии, сообщают, что он в построенной им на левой стороне Куры, против Тифлиса, крепости „Согдебил“, кроме арабов, держал еще „много хуситов“, которых Табари склонен считать армянами, но которые, повидимому состояли из разных горных племен, преимущественно, армянских. Вероятно, в числе этих хуситов были и дагестанские отряды, которыми мог снабжать Исхака его тесть, владелец „золотого престола“, в то время самого могущественного из всех владетельных князей Дагестана. Из сообщения Табари⁹⁸ мы узнаем, что в армии другого мутагаллиба, Абдуал-азиза (из крупного феодального дома дулафидов) в 867/8 г. хр. э. было „больше двадцати тысяч одних только сулуков“, т. е. деклассированных людей разного социального происхождения с преобладанием, повидимому, иранских (персидских) элементов. Эти сулуки, по примеру кондотьеров Западной Европы более поздней эпохи, раз'езжали по всем частям обширного еще тогда халифата и предлагали свои услуги тем, кто мог лучше их оплатить. Они переходили от одного феодала к другому, грабили и бесчинствовали, не брезгуя никакими средствами. Большинство этих сулуков состояло из обезземеленных крестьян, земли которых перешли тем или другим путем в руки крупных землевладель-

цев—новых феодалов, число которых в то время росло не по годам, а по дням. Лишивших своих земель, сулуки в начале оставались на них в качестве колонов или полукрепостных; но постепенно, вследствие ухудшения их материального и правового положения, они стали бросать свои насиженные места и уходить в большие города—Багдад, Басру и др. Правительство, как это видно из многих мест книги ибн-ас-Саби „Tarikh al wuzara“ („История визиров“), ловило их и отправляло обратно к их господам—помещикам, но это не помогало, т. к. сулуки стали уходить в отдаленные провинции и искать защиты и службы у полу-или вполне независимых мутагаллибов и у разного рода феодалов; многие же из них составляли просто на просто шайки разбойников (*mutalassissa*), которые в качестве наемных солдат поступали на службу к тем же феодалам, о чем часто говорят арабские историки.

Но помимо всех вышеупомянутых этнических и социальных групп, мутагаллибы смело могли опереться, и часто действительно опирались, на помощь местных феодалов (из курдов, армян, грузин и т. д.). Желая крепче связать этих последних с собой, арабские мутагаллибы заключали с ними иногда военные союзы, рождались с ними, перенимали их нравы, обычаи и даже язык, поддерживали их своими силами даже против главы мусульманского государства, ставя тем самым, свою службу себя и свои материальные интересы под самую большую угрозу. Читатель, вероятно, помнит, что армянские феодалы, восставшие в 851/2 г. против представителя центральной власти и убившие его, нашли сильную поддержку в лице арабского мутагаллиба в Битлисе, Мусу ибн-Зуарары, поплатившегося, кажется, за это своей головой. Мусу толкнуло на этот опасный шаг не столько то, что он был женат на дочери армянского батрика Баграта, сколько общие его классовые интересы с армянскими феодалами. Известно также, что ибн-ал-Ба'ис, о котором мы говорили выше, пытался использовать для укрепления своей власти и восстание хуррамитов в Азербайджане, во главе которого стоял Папак (Бабек) хуррамит.

„Ибн ал-Ба'ис дружил с Бабеком,—свидетельствует Табари⁹⁹—так что, когда отряды Бабека останавливались у него, он их угощал и одаривал, и они привыкли к нему и он к ним“.

Про другого феодала, известного Хатима ибн-Харсамы, историк Якуби сообщает¹⁰⁰, что решив отложиться от халифа, он „выступил из Барды (и шел до тех пор), пока не остановился в Кесале, где он построил укрепленный замок, вступил в переписку с батриками и представителями Армении, а также с Бабеком и хуррамитами, изобразив им положение мусульман слабым, после чего (собственно говоря) и началось движение Бабека и хуррамитов, и об'явление Бабеком себя мутагаллибом в провинции Азербайджана.“

Многие мутагаллибы вступали в родственные связи как с христианскими, так и с мусульманскими местными влиятельными феодалами (не-арабами), которые в случае нужды могли оказать им существенную поддержку. Так между прочим, известно, что один из маз'ядитов был женат на дочери князя Мушега Мамиконяна. Другой мутагаллиб, эмир Двина Севада, также был женат на христианке, княжне багратидской Арусяк. Дочь, или вернее, сестра Баграта, князя Тарона, была замужем за Мусой ибн-Зурарой из Арзана и. т. д.

С другой стороны мы видим, что браки заключались и между местными феодалами не-арабами—не христианами и между христианами, что опять-таки свидетельствует о том, насколько мало феодалы обращали внимание на этнические и религиозные различия. Замечательно, что христианский князь Васак из Сюника (нын. Зангезур) не постеснялся выдать свою дочь за Бабека, даже не мусульманина, а последователя зороастрийской религии, которая с точки зрения тогдашних христиан приравнивалась к язычеству. Что касается браков христианских феодалов между собой, то о них не приходится и говорить: это было обычным явлением и даже после того, как произошло разделение между армянской, грузинской и албанской церквями. Под сомнением остается лишь одно: вступали ли не-мусульманские феодалы в брак с мусульманками, с которыми брак считался запрещенным в силу категорического требования Корана.

Об этом сближении и взаимной поддержке говорят и такие явления: многие местные христианские феодалы присвоили себе чисто арабско-мусульманские имена и прозвища, арабский язык и культуру, так что по источникам часто трудно бывает определить—к какой нации или религии принадлежит тот или другой феодал из вышеупомянутой группы. Такие имена и прозвища, как: Аббас, Сахль, Абду-рахман. Хамза Али, абу-Муслим, абу-Джафар (Арцруни), абу-Сакр (Вахнуни), Гагик абу-Мерван, Гурген абу-Бельдар, абу-Мекдам (Арцруни) многие другие, часто носили армянские и албанские батрики. Имеются также указания и о том, что иногда и арабские мутагаллибы носили местные (персидские) имена, изучали местные языки и литературу, принимали местные обычаи и нравы. Так, про одного из чисто арабских феодалов IX в. Мухаммеда ибн-ал-Ба'иса, Табари и другие арабские историки передают, что он писал и сам декламировал стихи на персидском языке. Но, разумеется, было гораздо больше феодалов, хорошо владевших арабским языком, который сделался тогда не только общегосударственным, но отчасти и международным, и мы действительно знаем таких феодалов, которые владели им в совершенстве и даже слагали на нем стихи¹⁰².

Отмеченное сближение между феодалами разных народностей проявлялось не только в области политической, но и культурно-бытовой: выработывались одинаковый уклад жизни, одинаковые внешние формы одежды, пищи, жилья, музыкальные мотивы, сюжеты для повестей и т. д. и т. д.

К сожалению, этой стороне жизни закавказских феодалов арабские и другие историки той эпохи уделяют мало внимания; но и тех сведений, какими мы располагаем, достаточно, чтобы составить о ней довольно ясное представление.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что все закавказские феодалы жили в укрепленных замках и имели свои крепости, в которых держали своих вооруженных людей, провиант и аммуницию, при чем у некоторых из них было и по несколько крепостей, не считая того, что и города, входившие в их владение, были также сильно укреп-

плены и снабжены всеми средствами обороны и нападения. Город Маранд в нынешнем персидском Азербайджане, принадлежавший мутагаллибу ибн-ал-Ба'ису, в течение восьми месяцев отражал все атаки халифских армий и был взят только благодаря измене. Против двадцати катапулт выставленных командующими халифских армий ибн-ал-Ба'ис против стен вышеназванного города, последний выставил такое же количество со своей стороны¹⁰³. То же самое мы видим при осаде Согдебиля—главной крепости тифлисского мутагаллиба ибн-Исхака, а также Гардемана, Албака, Шекки и других крепостей армянских феодалов. Те же из феодалов, у которых не было крепостей (а таковыми, повидимому, были все мелкие сеньеры), имели укрепленные замки, или, как называют их арабские писатели, касры или касталы,¹⁰⁴ с устройством которых арабы познакомились ближе после завоевания Сирии и Палестины. Большинство этих замков представляло собой настоящие крепости, в которых жил сам феодал с многочисленной своей семьей, своими домочадцами и частью воинов, коим была вверена охрана замков от внутренних и внешних врагов. В замках некоторых феодалов или рядом с замками были мечети или церкви. Крупные мутагаллибы, не будучи в состоянии единолично управлять своими громадными латифундиями, реализовать на рынках продукты с своих земель и садов, вести сложное домашнее хозяйство и одновременно руководить войском,—завели, как и их собратья на Западе, своих майордомов—кахраманов и своих заместителей—„халифов“, выбиравшихся большей частью из клиентов, отличавшихся преданностью своим господам, как например „халифы“ Юсуфа ибн-абу-с-Саджа, крупнейшего феодала Закавказья и Азербайджана конца IX ст. и ибн-ал-Ба'иса, оказавшие своим господам существенную помощь в трудные для последних минуты. Такие же управляющие, и быть может заместители, были, конечно, и у христианских феодалов Закавказья*.

Арабские историки упоминают и о других должностях в замках мутагаллибов, исполнявшихся разными гулямами—евнухами и, быть может, крепостными или полукрепо-

* См. Th. Arzrouni, 167; Topschian l. c. s. 25 — 26.

стными крестьянами. Судя по некоторым указаниям арабских и армянских историков IX-X вв., можно думать, что институт патроната, из которого главным образом и развилась феодальная зависимость, арабам стал известен довольно рано, если только я правильно понимаю и перевожу следующие довольно темные места в „Книге завоеваний“ Балладзори:— „И захватило каждое племя (арабское) какие могло замки в Азербайджане, а некоторые приобрели участки у аджемов (не-арабов). (Кроме того, некоторые) селения были отданы под их покровительство для защиты их, вследствие чего их жители превратились в их крестьян“¹⁰⁵.

И несколько ниже¹⁰⁶:— „Жители Мараги отдали свое селение под протекторат (البحاؤها) (правителя) Мервана, и он построил в ней (здания), а его управляющие (векили) привлекли туда людей, которые массами переселялись туда ради защиты, и они застроили его“.

Другой историк, Табари, говоря об осаде города Маранда (в Азербайджане) халифской армией, сообщает, что с мутагаллибом ибн-ал-Ба'исом были *علاج* улуджи из его имений, которые стреляли из пращей в осаждавших, так что никто не мог подойти к стене города“.¹⁰⁷

Здесь, да и в других местах, в которых Табари говорит о закавказских феодалах, следует обратить внимание на слово „улудж“, которое обычно переводят „крестьянин“, „мужик“, но которое следует скорее переводить словом „холоп“, „колон“ или другим аналогичным по смыслу словом. Это, несомненно феодальный термин, как и вышеупомянутое „ильджа“ *ilja* патронат. Во всяком случае ‘улуджи не были свободными крестьянами.

Получая громадные¹⁰⁸ доходы со своих имений и будучи окружены толпой управляющих, гулямов и всякого рода челяди, мутагаллибы вели большей частью роскошную и богатую жизнь, устраивали приемы, на которые съезжались их соседи—помещики и друзья—покровители из столицы государства, занимались охотой, иногда воевали между собой и с представителями правительства на местах (с последними изредка). Например, тифлисский мутагаллиб Исхак ибн-Ис-

маил предлагал генералиссимусу халифской армии Буге, и деньги и людей, лишь бы только оставили его в покое, в его роскошном дворце в Тифлисе; но ничто не помогло: он поплатился головой за свою прежнюю деятельность и, быть может, за то, что генералиссимус рассчитывал, как уверяет армянский историк Фома Арцруни, получить одну из его жён, красивую дочь „владельца престола“. Другие оказались более дальновидными и сумели не только сохранить свои обширные латифундии, но и основать целые династии, пережившие самый халифат.

По мере ослабления и постепенного распада багдадского халифата, росло и крепло политическое и культурное влияние некоторых из этих новых феодальных династий на местах, и мы видим, как поэты, писатели, художники и. т. д., жившие раньше милостями и щедротами халифов, начинают посещать „дворы“ разных мутагаллибов и воспевать их жизнь и подвиги. Живое участие в этом новом культурном движении на окраинах халифата принимали и сами мутагаллибы, из коих некоторые были не плохими поэтами и писателями.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мутагаллиб — متغلب причастие действит. залога от V породы глагола غلب — ghalaba, значит буквально: „взявший верх“, „победивший“, „овладевший“, „захвативший“, „захватчик“.

2. См. Tabari, Tarikh-al-umam va-l-muluk, VII, 93 (первого каир. издания).

3. Ibid., VIII, 12, 20.

4. Ibid.

5. Ya'qubi, Tarikh, изд. M. Th. Houtsma, 1883, II, 402.

6. Tabari, I. c. IX, 342.

7. Ibid., X, 68-99.

8. Ibid.

9. Ibid., X, 70.

10. Ibid., X, 89.

11. Ibid., X, 96 — 97.

12. См. о санаритах — صانارية Baladhori, Futuh-al-buldan, p. 210; Ya'qubi, I. c., II, 598; Mas'udi, Muruj-adh-dhahab, I, 99; Th. Arzrouni, Histoire des Arzrouni, remarq. 609.

13. Ya'qubi 11, 447.

14. Ibid., 11, 515.

15. Ibid.

16. Ibid.

17. Ibid.

18. Ibid.

19. Ibid., 11, 519.

20. Ibid.

21. Ibid., 11, 540.

22. Мутазилиды — сторонники свободомыслия в исламе, отвергавшие некоторые воззрения ортодоксального ислама, несогласные со здравым смыслом и требованиями справедливости.

23. Отец Хатима, Харсама ибн-А'юн, оказавший большие услуги новой, аббасидской династии, был вероломно убит по приказанию халифа Мамуна, см. Tabari, X, 236 — 237; Ibn-al-Athir, VI, 116 (каир. изд.)

24. Ya'qubi, 11, 562.

25. Tabari, X, 363.

26. стр. 220; оп. Ibn-al-Athir, VIII, 162.

27. Kitab al-Fakri, 220.

28. *Ibid.*, 221. Про халифа Мустаффи (944-946) ибн-ал-Асир выражается так: „И повели дейлемиты халифа, как осла“, VIII, 161. А вот как один из халифов этого периода, Мутт (946-974) рисует свое положение в халифате: „Совершение военных походов (против врагов) и содержание их, а также удовлетворение других нужд мусульман только тогда лежали бы на мне, если бы дунья, — светская власть — находилась в моих руках и ко мне поступали доходы [с государства], но если мое положение таково, (каким вы его знаете), то я ни за что не отвечаю, а отвечает тот, в чьих руках находится государство; ибо на мою долю осталась одна лишь хутба — (помянутое имени халифа в пятничной проповеди). Я готов отречься, если вы этого пожелаете“. См. *ibn-al-Athir* VIII, 222.

29. *K.-al-Fakhri*, 220.

30. *Ibn-al-Athir*, VII, 113.

31. *Baladhori*, I. c., p. 330. По словам Табари, X, 308, ибн-ал-Ба'ис был раньше сулуком—холопом у ибн-Раввада.

32. *Ibid.*, p. 331.

33. *Ibid.*, p. 204, 209.

34. *Collection d'historiens arméniens etc. Th. Ardzrouni Histoire des Ardzrouni*, 1, p 610 (изд. Ак. Наук), 1874.

35. Е. А. Пяхомов. О дербендском княжестве XII-XIII в., стр. 4-5 Баку. 1930.

36. *Ya'qubi*, II, 519.

37. Н. Thopdschian, *Die innere Zustände von Armenien unter Aschot*, s. 19, Berlin, 1904.

38. *Ibid.*, s. 18-19.

39. *Ibid.*, s. 17.

40. См. о нем Табари, XI, 152, 214, 258, 266. После смерти Исы в 269 г. Армении захватили сажиды.

41. Н. Thopdschian, I. c. 21.

42. *Ya'qubi*, II, 557.

43. Некоторые из них перечислены у Th. Ardzrouni в вышеуказанном сочинении, стр. 98.

44. *Ibid.*

45. *Ibid.*, p. 613, 615.

46. *Mkrt. Ghazarian. Armenien unter d. arabischen Herrschaft*, s. 53, Marburg, 1903.

47. Табари, XI, 48.

48. *Ibid.*

49. *Ibid.*

50. Th. Ardzrouni, I. c.

51. Табари, XI, 48.

52. *Collection etc.*, p. p. 190, 191, 493; Н. Thopdschian, I. c. 41, 45 и др.

53. *Ya'qubi*, II, 519.

54. *Ibid.*, p. 567.

55. Ibid., 567.
56. Tabari, XI, 332.
57. Arib, silat tarikh-at Tabari, p. 35 (Каир. изд.).
58. Ibid., p. 40.
59. С. Лэн-Пуль, Мусульманские династии. Пер В. В. Бартольда, С. П. 1899, стр. 103.
60. Tabari XI, 157.
61. С. Лэн-Пуль, I. с., стр. 54.
62. Ibid.
63. Tabari, XI, 304, 320.
64. Ibid.
65. Ibid., XI, 345.
66. Collection, p. p. 161, 166.
67. Daghaschian. Gründung d. Bagratidenreichs durch Aschot Bagratuni, s. 71, Berl. 1893.
68. Tabari, XI, 66.
69. О многих случаях такого бродяжничества упоминает автор Tarikh al wuzara ибн-ас-Саби (изд. Amedros'a).
70. Baladhori, p. 211.
71. Ibid.
72. Ibid.
73. См. Tabari IV, 257, 260.
74. Стр. 133, прим. 51.
75. p. 207.
76. Ibid.
77. В том числе и Ашот Багратуни, как сообщают армянские историки (Ф. Арцруни и др.), тогда как арабские говорят, что он был казнен халифом.
78. Baladhori, p. 210.
79. Ibn-al-Athir, XII, 162.
80. Kitab-al-Fakhri 28.
81. См. о ней E. de Zambaur. Manuel de généalogie et de chronologie pour l'histoire de l'islam, Hanovre 1927.
82. VIII, 204.
83. Ibid.
84. Самые подробные сведения об этой династии собрал недавно современный иранский историк Кесреви Тебризи в первом томе своего исследования „Забутые династии“, Тегеран, 1308 г. хиджры.
85. VIII, 187.
86. Ibn-al-Athir, VIII, 146.
87. Ibid., VIII, 190.
88. Ibid., VIII, 180.
89. Более подробно о раввадитах во II т.
90. А не „имарет“ (эмиратство), как ошибочно стоит у Табари XI, 45.
91. Baladhori, 211.

92. См. I. Wellhausen, *Das arabische Reich und sein Sturz.*

94. p. 515.

95. p. 329.

96. p. 331.

97. Об общественно-политическом значении минбара в первые века ислама см. статью С. Н. Becker'a, *Die Kanzel im Kuitus des alten slam* в его *Islamstudien*, s. 450—472, Leipzig, 1924.

98. Это явление было тогда настолько распространенным, что от слова „сулук“ образовали даже глагол „massa'laka“—сделался сулуком, т. е. мародером, бобылем, разбойником и т. д.

99. Tabari, X, 308.

100. Ya'qubi, 562.

101. Построенный арабами город Кесаль находился в сорока ферсах от Барды и двадцати—от Тифлиса. См. Baladhori, 207.

102. 'Arib, 40.

103. Tabari, XI, 31.

104. От лат. castrum и castellum.

105. Baladhori, 329.

106. Ibid., 330.

107. Tabari, XI, 31.

108. Некоторое представление о размерах этих доходов и следовательно, о богатствах некоторых мутагаллибов, дает нам рассказ Табари о взятии в 261 (—874/5) г. Я'кубом Саффаром крепости Хуррамы, принадлежавшей известному мутагаллибу в Фарсе ибн-Басилу. По словам Табари (XI, 261) в названной крепости было взято тогда всякого рода имущества и ценностей на сорок миллионов дирхемов (приблизительно, 8 млн. р.). Тот же историк в повествовании о Папаке, (Бабек) главе хуррамитов упоминает (X 327) „о четырех замках его и об его сокровищницах“. Но ни Табари, ни кто-либо другой из арабских или армянских писателей того времени не говорит ни слова об источниках этого колоссального богатства, за исключением разве одного: поземельного налога (хараджа) и поголовной подати (джизии) с не-арабов, которые они присваивали себе вместо того, чтобы посылать их в государственную казну. Другим значительным источником могли быть доходы с богатых и плодородных латифундий и других угодий, обрабатывавшихся руками полузависимых крестьян и местных батраков—улуджей и сулуков. Были ли у мутагаллибов другие источники обогащения и в частности, извлекали ли они какую-нибудь пользу из торговли и вели ли они таковую лично или через своих кахрманов и других подставных лиц — нам неизвестно.

სიმონ ჯანაშია

დედა ბორცის ცნობები საქართველოს შესახებ და წყარო
ინსტიტუტოლოგიებისა მათს რუსულ თარგმანში*

* მოხსენდა საქ. საისტ. და საეთნოგრ. საზ.—ბას 1929 წ. იანვრის 18-ის სა-
ზოგადო კრებაზე (ოქმი № 273).

რამდენიმე წლის წინათ (1920) ჩვენ შევამჩნიეთ მსგავსება ორს უცხო ცნობას შორის მეთვრამეტე საუკუნის საქართველოს შესახებ: ერთი ეკუთვნის ფრანგს დე ლა პორტს, მეორე — რუსს იაზიკოვს. აბატ დე ლა პორტის მსოფლიო მოგზაურობის აღწერილობაში, რომლისაც მხოლოდ რუსული თარგმანი გვქონდა ჩვენ იმჟამად¹, ვინაიდან ტფილისის წიგნთსაცავებში მისი ფრანგული გამოცემა არ მოიპოვება, საქართველოს შესახები ცნობები მოთავსებულია მე-17 და მე-18 წერილში (თხრობას ებისტოლარული ფორმა აქვს). რუს. თარგმანში პირველ წერილს სათაურად აქვს: „Грузия и Имеретия“ (პირვ. გამოც. გვ. 90—122; მესამე გამოცემა გვ. 82-111), ხოლო მეორეს: „Мингрелия или древняя Колхида“ (გვ. 123-147; 112-134).

დე ლა პორტის ცნობები ჩვენს სამეცნიერო მწერლობაში პირველად გამოაქვეყნა პლ. იოსელიანმა², რომელმაც გამოთქვა მოსახრება, შემდეგში სხვების მიერაც განმეორებული³ რომ დე ლა პორტი საქართველოში იყო 1768 წ. არ ჩანს, რაზეც ეს თარიღი დამყარებული.

იაზიკოვის ცნობა გამოცემულია პროფ. ალ. ცაგარლის მიერ მის „Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии“ (т. I. С.-Пб, 1891). აქ დაბეჭდილია ვრცელი „Записки капитана Языкова“ (გვ. 183-196) და მეტად მოკლე „Записка о Мингрелии, кап. Языкова“ (გვ. 261-262). ეს რუსის ოფიცერი ეკატერინე მეორის ბრძანებით დაწინშულ იქნა 1770 წლის

¹ თარგმანის თავფურცელზე აღნიშნულია „Всемирный путешественник или повествование Старого и Нового света, т. е.: Описание всех по сие время известных земель в четырех частях света etc. изданное господином Аббатом де ла Порт, а, на Российской язык переведенное с французского. В. С. Сопиков, Опыт Российской библиографии-ს ცნობით (№ 9263), რუს. თარგმანის პირვ. გამოცემა გამოსულა 1778—1794 წწ. პირვ. გამოცემისა ჩვენ ხელთა გვქონდა მხოლოდ მეორე ტომი (აქ არის სწორედ საქართველოს აღწერილობა), რომელსაც თარიღად უზის 1779 წ.; იმავე ტომის მესამე გამოცემას-კი—1800 წ.

² პლ. იოსელიანი, Описание древностей г. Тифлиса, Тифл. 1866, გვ. 274. აქ მოთავსებულია დე ლა პორტის ზოგიერთი ცნობა ტფილისისა და ქართველების შესახებ, რუსული თარგმანიდან ამოღებული. ფრანგული ტექსტი იოსელიანს, როგორც ჩანს, არ უნახავს.—აქედან ეს ნაწყვეტი გადაღებულია Сборник сведений о Кавказе—VI (Тфл. 1880, ил. XIII: „Краткий исторический очерк Тифлиса“, стр. 292-293), ხოლო ქართულად უთარგმნია მსგ. ჯანაშვილს (საქართველოს დედა ქალაქი ტფილისი, ქუთ. 1899, გვ. 118 შემდ.).

³ იოსელიანი დასხ. შრ. 274; Сборник сведений... VI, 292; 118; Л. М. Меликсет-Беков, Тифлис, его основание и краткий исторический очерк, 21—22 („Тифлис и его окрестности“, Тифл. 925).

იგლისის 9-ს მეფე ერეკლესა და საქართველოში მყოფის რუს. კორპუსის უფროსს გენ. ტოტლებენს შუა აღმოცენებული უკმაყოფილებებისა და ამასთან დაკავშირებული სხვა საქმეების გამოსაძიებლად (ib. 125-127 და 139-145). ინსტრუქციის მე-10 მუხლის თანახმად, იაზიკოვს, სხვათა შორის დავალებული ჰქონდა „იქაური ქვეყნის (ე. ი. საქართველოს) მდგომარეობისა, მოსახლეობის ზნეთა და თვისებათა, მთლობელთა ხელისუფლებისა და ძალისა, და მათი ურთიერთ-შორის განწყობილების დაკვირება“ სწორი და საიმედო ცნობების მისაწოდებლად მთავრობისათვის ამ საგნის შესახებ (ib. 144). იაზიკოვი საქართველოში ჩამოვიდა იმავე წლის სექტემბერში (169) და დაჰყო აქ (ქართლსა და იმერეთში) 1771 წ. ივნისამდის (309)¹.

დე ლა პორტის (რუს. თარგმანის სახით) და იაზიკოვის ცნობების შედარებამ აღმოაჩინა მათ შორის ისეთი სიახლოვე რომ საკითხი უნდა დასმულიყო ამ ავტორების ერთმანეთზე ან საერთო წყაროზე დამოკიდებულების შესახებ. საკითხის გადაწყვეტა ჩვენ შეუძლებლად მივიჩნიეთ დე ლა პორტის ფრანგ. ტექსტის გარეშე, ვინაიდან რუს. გამოცემის წინასიტყვაობაში მთარგმნელი აცხადებს რომ მან დედნის ცნობებში შეიტანა ზოგიერთი ცვლილებანი თუ დამატებანი (წინასიტყვაობის გვ. VII, გამოც. III), თუმცა აქ საქართველო განსაკუთრებულად დასახელებული არ არის. ჩვენს ექვს აძლიერებდა ლიტერატურული ცნობა რომ პირველი ფრანგული გამოცემა გამოვიდა პარიზში 1765—1795 წწ.²

ამჟამად ფრანგული გამოცემა ხელთა გვაქვს და მისმა შესწავლამ გამოარკვია შემდეგი³:

საქართველოს აღწერილობა მოთავსებულია მეორე ტომის მე-XVII და მე-XVIII წერილში. პირველს (pp. 120—143) სათაურად აქვს: „La Géorgie“, ხოლო მეორეს (pp. 144—178)—, „La Mingrelie, autrefois la Colchide.“ პლ. იოსელიანის ქრონოლოგიური ცნობის

¹ შვადრ. Цагарели, Грамоты... I, XVII.—II. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа, ч. I, стр. 285.

² Brunet, Manuel du libraire et de l'amateur de livres Paris, 1920, s. v. Porte; Weiss, Biographie universelle ou Dictionnaire historique etc. s. v. Porte.

³ გამოცემის თავფურცელზე აღნიშნულია: Le Voyageur francais ou La Connaissance de l'ancien et du nouveau Monde, mis au jour par M. l'abbé Delaporte. Quatrième édition, t. II. A Paris, MDGCLXXI.

ეს გამოცემა საკავშ. მეცნ. აკადემიის საახლო მუზეუმის წიგნთსაცავში ჩვენის თხოვნით მოსტებნა პრაფ. გ. ახვლედიანმა, ხოლო აკადემიამ ტფ. სახ. უნივერსიტეტის გამგეობის შუამდგომლობით სამუშაოდ გადმოვკვიგავანა; აღნიშნულ პირთა და დაწესებულებებს მადლობას მოვასხენებთ.

საწინააღმდეგოდ, პირველი წერილი დათარიღებულია „A Tiflis, ce 18 novembre 1737“, მეორე კი—„En Mingrelie, ce 30 décembre 1737“. კიდევ უფრო საყურადღებოა ის განსხვავება, პირველ რიგში ჩანართები, რომელიც არსებობს ფრანგ. ტექსტსა და რუს. თარგმანს შორის, თუმცა უკანასკნელი დასაწყისს აბზაცებში სავსებით ეთანხმება დედანს, თუ ნაკლებ მნიშვნელოვან დაშორებებს მთარგმნელისას დედნისაგან უყურადღებოდ დავტოვებთ, —რუსული ტექსტის ჩანართები შემდეგი იქნება: ერეკლე II-ის ვრცელი დახასიათება (რუს. გამოც. გვ. 90 სიტყვებიდან: „Теперь владеет Грузиею Царь Ираклий“ გვ. 91 სიტყვებამდის; „Столица его есть Тифлис“... III გამოც.: გვ. 82-83); გოჯირდის აბანოების შესახებ რუს. ტექსტის ცნობები გან ხვადება ფრანგულისაგან, უკანასკნელში არ არის, მაგალითად, ცნობა რომ აბანოს შენობები ას წელზე მეტია, რაც ავებულება (რუს. ტ. გვ. 93). შემდეგ: ფრანგ. ტექსტით, ტფილისში არის 14 ეკლესია: 6 ქართული და 8 სომხური, რუსულით—13 ეკლესია მართლმადიდებელთა ეკუთვნის, 7 სომხებს და ერთი კათოლიკეთ, სპაგიეკოდ, რუსულ თარგმანში გამოტოვებულია ცნობა რომ ქალაქში არ არის არც ერთი მიზგითა, მაშინ როცა მთავარი (le prince) და დიდებულთა უპირავლესობა მაჰმადიანები არიანო (ფრანგ. ტ. გვ. 123). ინტერპოლაციას წარმოადგენს რუს. თარგმანში ნაწყვეტი ამ სიტყვებიდან: „Сии последняя все каменные со сводами“... სიტყვებამდის „кажется чтобы надлежало христианской вере...“ (გვ. 93). ფრანგ. ტექსტის სათანადო ადგილას ისეთი ცნობებია, რომელიც შეეფერება იმ დროს, როცა ტფილისში მეფის (ე. ი. შაჰის) მონადგილე (le vice-roi) იჯდა (ფრ. ტ. 123). მომდევნო აბზაცში დამახასიათებელია, რომ ფრანგ. „ce patriarche“ (იგულისხმება საქართველოს კათალიკოსი. გვ. 124), რუსულში გადმაცემულია: „Сей наместник патриарха“ (94). ასეთივე ამბავი განმეორებულია შემდეგაც, (იხ. რუს. ტ. გვ. 108, ფრ. ტ. გვ. 140). სიფი-აბადის აღწერილობა (ფრ. ტ. 125-126) რუს. თარგმანში იმნაირად არის გადმოცემული, თითქოს მოტოვებულ სასახლეზე იყოს საუბარი (რუს. ტ. 96). ნაწყვეტს სურამის შესახებ რუს. თარგმანში დართული აქვს ცნობები ქართული გლეხის ყოფა-ცხოვრებისა და ლეკთა თარგმანის შესახებ (ამ სიტყვებიდან: „Мужикъ же в деревнях“... ამ სიტყვებამდის „Недалеко от Сурاما“... გვ. 96), რაც ფრანგულში არ მოიპოვება. გორის შესახებ დედანში არ არის ნათქვამი (ფრ. ტ. 127) რომ ის დაშორებულია ტფილისიდან 80 ვერსით (რუს. ტ. 97). რუს. თარგმანს ეკუთვნის განმარტებები რომ „კოტაჯის“-ი უღრის ქუთაისს და „ფაზ“-ი

რიონს. ჩანართს წარმოადგენს ქუთაისის აღწერილობაზე მიკერებულ-
ლი როგორც მეფის სასახლის, ისე სხვა სახლების სიღარცის სურათი
(„Ибо как оной, так и дома князей, и обывателей“ გათავგ-
ზული სიტყვებით: „а в другом стоят лошади“, რუს. ტ. გვ. 99).
მთარგმნელს გუთუნის ცნობა, რომ ახალციხის ფაშა არის „треху-
чучный“ (გვ. 100). იქვე მოთავსებულია ცნობებიც საქართველოს
ისტორიიდან („Когда Грузия была в настоящей своей силе“... და
შემდეგ, აბზაცამდის, გვ. 100).

დღიანთან შედარებით ზედმეტია თარგმანში შენიშვნა: „пред-
ставляя себе упомянуть особо в конце письма, в чем (!) между
ими (ე. ი. ქართლსა და იმერეთს შორის) найду разность.“ (გვ. 104).
ქალღმერთი ვაჭრობის შესახებ ფრ. ტექსტში ნათქვამია რომ ის ნაკ-
ლებს ნებადართულია (in omni licite), აბრეშუმის ვაჭრობასთან შედა-
რებით (გვ. 13⁵), რუსი მთარგმნელი კი ამბობს, სასტიკად აკრძა-
ლულიაო (104). შემდეგ ჩანართია ქართველი ქალის გარეგნობის
აღწერილობა (ამ სიტყვებიდან: „Когда грузинка еще не убрана“...
გვ. 105 ამ სიტყვებამდის: „Уверяют, что нрав их“... გვ. 106) და
აქვე და წინამაგალ აბზაცში ორი ნაკლებმნიშვნელოვანი ფრაზა. ფრ.
ტექსტის: „L'habit des Géorgiens est presque semblable à celui des
Polonais“ (137) და სხვა., თარგმანში გადმოცემულია ისე რომ წარ-
ჩინებული ქართველების ჩაცმულობა სპარსულსა ჰვავს, სოლო მდა-
ბითა კი—კონსაკებისასო (106). მომდევნო ორი წინადადებაც რუს.
ტექსტში ჩანართია. ჩანართია აგრეთვე ცოტა ქვემოთ მოთავსებული
ცნობა, რომ ტყვის (ქალების) გაყიდვისათვის აქედამდ თვალებს სწვა-
ვენო (107). თარგმანში გამოუტოვებიათ ნაწყვეტი: „J'ai remarqué,
au surplus, que les seigneurs Géorgiens respectent le mariage de
leurs vassaux: ils n'enlèvent et ne vendent pour l'ordinaire que
des filles. C'est par cette raison qu'on voit ici des enfants en
épouser d'autres: on en voit même que leurs parents ont mariés
dès le berceau“ (138). ამ აბზაციდან: „Грузинцы имеют наме-
стника Патриаршего“ მთელი რიგი ცნობებისაა ჩართული:
1. „Нынешней есть брат“... (ცნობა იმდროინდელი კათალიკოსის შესა-
ხებ; ივულისხმება ანტონი), სიტყვებამდის: „У них есть также“...
(108). 2. „в редкой есть царские двери“... სიტყვებამდის „Боль-
шая часть последних“... (109). 3. „В пятнадцати верстах выше
Тифлиса“... აბზაცამდის (109). შემდეგ ჩანართს წარმოადგენს
მოზრდილი ნაწყვეტი სიტყვებიდან: „Грузинцы наружно все бого-
боязливны“... (110), სიტყვებამდის: „Дворяне, которые подланных“

своих невольниками почитают“... (111); ამ ნაწყვეტს უჭირავს ფრანგ. ტექსტის იმ ცნობების ადგილი, რომელშიაც მოთხრობილია მეფისა და წარჩინებულ პირთა იძულებითი მაჰმადიანობის შესახებ და აგრეთვე საქართვე. მეფის სპარსეთისაგან დამოკიდებულების თაობაზე (ფრ. ტ. გვ. 141). დასასრულ, ყველაზე მნიშვნელოვან ინტერპოლაციას წამოადგენს ვრცელი ცნობები ქართლისა და იმერეთის შესახებ. იწყება ეს ღიდი ნაწყვეტი 112-ე გვერდზე (რუს. ტ.) აბზაცით: „Народ Грузинской вообще легкомыслен“... და თავდება 122-ე გვერდზე უკანასკნელი აბზაცით („Теперь нужна нам отвага“)...

მეთვრამეტე წერილში, რომელიც სამეგრელოს შეეხება, მთარგმნელს ნაკლები ცვლილებანი შეუტანია, და ამასთან საყურადღებოა რომ ახალი ცნობები სამეგრელოს შესახებ მას გაცილებით უფრო მტირე ჰქონია, ვიდრე ქართლისა და იმერეთისათვის. თუ სხვაობათ თავს მოვუყრით, შემდეგს მივიღებთ: ოდიშის მთავრის შესახებ ცნობას თარგმანში დართული აქვს: „Кому дается название Дадиян. Нынешний именуется Качий“ (124-123). დედნის „პატრიარქს“ (152, 159) თარგმანში ზოგჯერ უდრის „Наместник патриарший“ (129, 134); უკანასკნელ შემთხვევაში ამას გარდა ჩართულია ფრაზა: „также как в Имеретии“ და შემდეგ ნაწყვეტი სიტყვები: „он прежде почитался Мингрельским и Имеретинским... სიტყვებამდის: „от Кафоликоса зависят“ (134). სამაგიეროდ გამოტოვებულია დედნის წინადადება: c'est (კათალიკოსი) „proprement le pape de cette contrée“ (159), ზოგჯერ კიდევ დედნ. „patriarche“ (160, 161) = „Кафоликос“ თარგმანში. (135, 136).

მეგრელებს სხვა სიწმინდეთა შორის აქვსთო — „quelques poils de la barbe du Sauveur“ (165), — ეს ფრაზა თარგმანში გამოტოვებულია (138). „L'étable de Bethléem ne pouvait pas être plus malpropre“ (166, საუბარია სოფლის ეკლესიებზე), — abs. რუს. თარგ. (139), როცა ავტორი ამბობს: მონაზონებს წმ. ბასილის წესისას მეგრელები „ბერებს“ ეძახიანო (166-167), „ბერი“ რუს. მთარგმნელს გადმოუცია „отец“ სიტყვით (140). რუს. მთარგმნელს 141 გვერდზე („Когда служат они собором“)... აკლია, ალბათ გამოპჩენია, რამდენიმე ფრაზა (ფრ. ტ. გვ. 168, „Lorsque plusieurs prêtres“...). შემდეგ თარგმანში გამოტოვებულია ფრაზა: „ils consacrent“ და სხვ. (169) და გრძელი ნაწყვეტი სიტყვებიდან „ils ont, en tout temps et tous lieux“... (169), სიტყვებამდის „On n'enterre ici les morts“ (170). სამაგიეროდ მთარგმნელს ჩაურთავს ფრაზა: „Я не хочу более вычислять всех их поступков: ибо прихожу от того в содрогание“ (141). თეატინელების შესახებ მთარგმნელს ჩაურთავს

შემდეგი: „Но как они Римского исповедания, и следовательно не терпящие ни какого другого закона, то и я не совсем им подавал веру“ (142). თარგმანში გამოტოვებულია (146): „il n'est point question de goûts chez cette nation“ (176). სხვა ცვლილებები ნაკლებ საინტერესოა.

მთელი ეს ახალი ფაქტიური მასალა, რომელიც დე ლა პორტის რუს. თარგმანში ჩაურთავთ, საეხებით იმეორებს იაზიკოვის აღწერილობაში მოცემულ ცნობებს. ამასთან უქვევლი ხდება, რომ დე ლა პორტის მთარგმნელი იაზიკოვზე არის დამოკიდებული: მესამე, საერთო, წყაროს არსებობა დაუჯერებელია. იაზიკოვს დავადება, და თან სრული შესაძლებლობაც ჰქონდა, შეეკრიბა ეს ცნობები ადგილობრივ, საქართველოშივე. ერთგან ის ასახელებს კიდევაც თავისი (საფიქრებელია ისტორიულის) ცნობების წყაროს: კათალიკოსის ანტონის (გვ. 183). იაზიკოვის მოხსენება დაწერილი უნდა იყოს 1770, ან ყოველ შემთხვევაში, 1771 წ., ხოლო დე ლა პორტის რუს. თარგმანის პირველი წიგნი გამოვიდა პეტერბურგს 1778 წ.¹ დაუჯერებელია, რომ ამ მთარგმნელს (რომელიც იმავე სობიკოვის სიტყვით იგბულგაკოვი ყოფილა²) უშუალოდ მიემართნა იაზიკოვის ქართ. წყაროებისათვის, თუნდაც იმავე კათალიკოს ანტონისათვის; ამას, სხვათა შორის, ეწინააღმდეგება ის ტექსტუალურ-სტილისტური სიახლოვე, რომელიც არსებობს თარგმანსა და იაზიკოვის ცნობებს შორის, და რომელიც, ყოველ შემთხვევაში, საერთო რუსულ წყაროს უნდა გვაგულისხმებინებდეს.

საინტერესოა კიდევ ერთი გარემოება: როგორც უკვე აღვნიშნეთ, დე ლა პორტის მთარგმნელს აკლია ახალი ცნობები სამეგრელოს შესახებ. ასეთსავე მდგომარეობაშია იაზიკოვიც (მისი სამეგრელოს აღწერილობა მე უად მოკლეა), რაც იმის შედეგი ყოფილა, როგორც თვითონ აცხადებს, რომ მისთვის გზაში მოუპარავსთ ფუთა, რომელშიაც მას გურიისა და სამეგრელოს აღწერილობა ჰქონია (261). ამ მოსახრებათა გამო, ყველაზე მარტივი ახსნა იქნება, თუ დე ლა პორტის რუსი მთარგმნელის წყაროდ იაზიკოვს მივიღებთ. მაგრამ რადგანაც იაზიკოვის აღწერილობა, ცავარლის მიერ გამოცემული, ოფიციალური დოკუმენტია, რომელიც მიუწვდომელი უნდა ყოფილიყო იმ დროს კერძო პირისათვის, უნდა ვიფიქროთ, რომ ცნობები მიწოდებულია თვით იაზიკოვის მიერ უშუალოდ. მას ხელთ ექნებოდა, ალბათ, თავისი ნაშრომის პირი ან შავი.

¹ В. С. Соляков, о. с. № 9263.

² იქვე.

ბულგაკოვს გამოუყენებია იაზიკოვის ტექსტის უდიდესი ნაწილი, რომელიც ნაჭერ-ნაჭერ და ადგილის შეცვლით ჩართულია კრანგული გამოცემის ცნობათა შორის. ეს ინტერპოლაციები იაზიკოვის თხრობის (თუ ცაგარლის გამოცემის მიხედვით ვიმსჯელებთ) უმნიშვნელო პარაფრაზს წარმოადგენენ, ზოგჯერ კიდევ—ლიტერულ იგივეობას, მაგ.:

იაზ.

... За монастырями хотя и есть деревни, но как оброк с них собирают Архiereи, то и употребляют их на свое содержание и прихоти и церкви без всякого поправления остаются (გვ. 185).

Имеретинцы народ крупный, сухощавой и смелой, лица свежее, нежели у грузин, в усах, без бород (გვ. 194).

დე ლაზ. რუს. თარგმ.: (პირვ. გამ.).

... За монастырями хотя и есть деревни, но как оброк с них собирают Архiereи, то и употребляют на свое содержание и прихоти, а церкви без всякого поправления остаются (გვ. 109).

Имеретинцы суть народ крупный, сухощавой и смелой, лица у них свежее, нежели у Грузин, бороды бреют, а оставляют только усы (გვ. 120).

არის დე ლა პერტის რუს. თარგმანში რამდენიმე ახალი ცნობა, რომლებიც ცაგარლის მიერ გამოცემულს იაზიკოვის ძირითად ტექსტში არ მოიპოვება. ეს ჩანართებია: 1. ქართული ქალის მოკაზმულობისა და ჩაცმულობის აღწერილობა: ამ სიტყვებიდან: „Когда Грузинка еще не убрана“... გათავებული ამ სიტყვებით... „мелкия косы, кои лежали по плечу“ (პირვ. გამ. 105-106); 2. იმერეთის მეფის სოლომონის შესახებ: „иногда носит на шее“... გათავებული სიტყვებით: „Шеголи красят усы красной краскою“ (გვ. 117); 3. იმერეთის პატრიარქის უმეცრების შესახებ: „Я с ним говоря спрашивал... что должно заключить о подлых людях“ (112), და სხვ., რომელთაც ნაკლები მნიშვნელობა აქვსთ. როგორც ჩანს, ეს ცნობებიც იმავე წყაროდან, ე. ი. იაზიკოვის მასალებიდან უნდა იყოს ამოღებული. ასე მაგ., აქ აღნიშნული მესამე ცნობა იმერეთის პატრიარქის შესახებ, როგორც აღ. ცაგარლის წინასიტყვაობიდან ჩანს (XXXVII), იაზიკოვს ჰკუთვნებია, მაგრამ მისი სათანადო ადგილას დაბეჭდვა ცაგარელს საჭიროდ არ დაუნახავს.

ამას გარდა აღსანიშნავია რომ თვით იაზიკოვის ცნობებშიაც შეტანილია ზოგიერთი ცვლილებები, მათ შორის ქრონოლოგიური ხასიათისაც, მაგ.: იაზიკოვი ამბობს, რომ ერეკლე მეფე ამჟამად არის 52 წლისა და 13 წელიწადი იქნება, რაც მეფობს; დე ლა

პორტის რუს. თარგმანში ეს რიცხვები გადიდებულია სამოცსა და ოცამდის. კათალ. ანტონის დაბრუნების შესახებ რუსეთიდან პირველ ცნობაში ნათქვამია, ეს მოხდა 7 წლის წინათ; მეორე კი დაახლოებით 10 წელს აღნიშნავს. ეს გარემოება გამოწვეულია იმით რომ, როგორც ზემოთ უკვე ვთქვით, დე ლა პორტის რუს. თარგმანი 7 თუ 8 წლით გვიანდელია იაზიკოვის მოხსენებებთან შედარებით (მხოლოდ ანტონის დაბრუნების დათარიღებაში არ არის დაცული, ალბათ შეცდომით, ეს განსხვავება) ¹.

კიდევ ორი ფაქტი ასეთი ცვლილებისა: იაზიკოვი ამბობს, ქართ. სასოფლო ტაძრების უდიდეს სამკაულს წარმოადგენს ორი ხატი სუხდალის ხელობისაო (185), დე ლა პორტის რუს. თარგმანში კი ეს ხატები დახასიათებულია, როგორც ძალიან ცუდი ნახელავი: „самыя дурная письма“ (109). იაზიკოვის ცნობით: „Имеретинныя говорят по-грузински, но с некоторою отменою и не так красно“ (196), ბულგაკოვისეულ ტექსტში აქ ქართულის მაგიერ ბერძნულია მოხსენებული (по гречески, გვ. 122), რაც ალბათ კორექტურულ შეცდომას უნდა მიეწეროს. სხვა წერილშიან სხვაობათა ჩამოთვლასა და საზოგადოდ ტექსტების დეტალურად შედარებაზე შეგერება აქ შედმეტად მიგვაჩნია ².

რას წარმოადგენს თვით დე ლა პორტის ცნობები საქართველოს შესახებ? დიდი კვების სიმახვილე არ არის საჭირო იმის გამოსაცნობად რომ ეს არის მხოლოდ შარდენის განმეორება. ავტორს შარდენის „მოგზაურობიდან“ ამოუკრეფავა ზოგიერთი ადგილები, თავისებურად დაულაგებია ისინი და რაოდენამედ სახე უცვლია მათთვის. არც ერთი ახალი ცნობა მას არ მოეპოვება, და რათქმაუნდა,

---

¹ თუ პლ. იოსელიანი თავის თარღს ამ ქრონოლოგიურ ცნობებზე ამყარებდა (ვინაიდან არავითარი სხვა თარიღი რუს. თარგმანს არ მოეპოვება), მაშინაც კი 1768 წ. მიღება შეუძლებელი უნდა ყოფილიყო. ყველაზე ხელსაყრელი, კათალიკოსის დაბრუნების შესახებ, ცნობაც რომ ავიღოთ, ეს ცნობაც 1773 წლით, ან ახლო ხანით, უნდა დაგვეთარიღებინა, ვინაიდან, როგორც თვით იოსელიანი ამავე თხზულებაში ამბობს (Описаниа... გვ. 92), ანტონი ექსორიიდან დაბრუნდა 1763 წ.

² პროფ. ლ. მელიქსეთ-ბეგი თავის ზემოთ მოხსენებულ ნაშრომში დე ლა პორტის შესახებ გაკვრით ამბობს, რომ ის „даёт описание его (г. Тифлиса) от 1768 г., повидимому, с чужих слов“ (22). რას გულისხმობდა ავტორი ამ ფრაზაში, არ ჩანს, მაგრამ ისიც ალბათ პლ. იოსელიანის გამოცემით იცნობს დე ლა პორტს.

ავტორი საქართველოშიაც არ ყოფილა. ასეთი საქმე ეგუება მისი
ლიტერატურული მუშაობის საერთო ხასიათს¹.

რაც შეეხება დე ლა პორტის რუს. თარგმანს, მას მხოლოდ
იმდენად აქვს ეხლა მნიშვნელობა, რამდენადაც მასში დაცულია ორი-
ოდე წერილი ცნობა, რომელიც, ჩანს, იაზიკოვს ეკუთვნის, მაგრამ
ცაგარლის გამოცემაში არ მოიპოება.

1928, ნოემბერი.

---

¹ აბბატი Joseph de la Porte (დაიბადა 1713, გარდაიცვ. 1779) ცნობილია
უმთავრესად თავის კომპილაციებით, Weiss, o. c., s. v. Porte; Dezobry et Bachelet,
Dictionnaire général de Biographie etc. Paris, 1857, s. v. La Porte.

სტატისტიკური ჩვენება

ქიმიკატების დასახლებებისათვის პანკისის ხეობაში*

(უმთავრესად ზეპირი გადმოცემებით)

---

* სტატია დაწერილია ჩემი მასწავლებლის პროფ. აკაკი შანიძის რჩევითა და უშუალო შითხებებით.

კახეთში, ქ. თელავის ჩრდილო-დასავლეთით (30 კილომეტრის მანძილზე), მდებარეობს პანკისის ხეობა, რომელზედაც მომდინარეობს ალაზანი. ეს სამხრეთით საკმაოდ ფართო ხეობა სულ უფრო და უფრო ვიწროვდება ჩრდილოეთისკენ.

ხეობის შუა ნაწილში მდებარეობს სამი დიდი ქისტური სოფელი¹: დუისოფელი² ანუ, როგორც ახლა ხშირად ეძახიან, დუისი (ალაზნის მარჯვენა ნაპირზე); ჯოყოლო (დუისოფლიდან ჩრდილოეთით 2 კილომეტრის მანძილზე, ესეც ალაზნის მარჯვენა ნაპირზე) და ომალო (ჯოყოლოდან ჩრდილოეთით 2 კილომეტრის მანძილზე, ალაზნის მარცხენა ნაპირზე). დუისოფელში ამჟამად ცხოვრობს 252 კომლი, ჯოყოლოში—93, ხოლო ომალოში—97 კომლი. ამას გარდა ხეობის ჩრდილო ნაწილში იმყოფება პატარა ქისტური სოფელი ქორთაბუდე, ხოლო კიდევ უფრო ჩრდილოეთით, თითქმის ხეობის დასაწყისში, ალაზნის შენაკადზე—ჩხათანისწყალზე მდებარეობს ორი ქისტური სოფელი: ხორაჯო (17 კომლი) და ჩხათანა (3 კომლი). ამ უკანასკნელი სამი სოფლიდან ქისტები თანდათან ჩამოდიან სამხრეთისაკენ ხეობის დაბლობში და, ამგვარად, ალაზნის მარცხენა ნაპირას, დუისოფლის აღმოსავლეთით, ოსური სოფლის ხალაწანის გვერდით გაჩნდა ახალი ქისტური სოფელი ბათისოფელი (ე. ი. სოფელი ბათოსი, მოხუცი ქისტისა, რომელიც ამ რამდენიმე წლის წინათ თავისი ძმებითურთ ჩამოვიდა ხორაჯოდან და დააარსა აღნიშნული სოფელი), სადაც ამჟამად 14 კომლი ცხოვრობს.

¹ ქისტების გარდა ხეობის სხვადასხვა ადგილას ცხოვრობენ ოსები და ქართველი ტომები: ფშავლები და თუშები. ყველა ესენი ახალი დასახლებული არიან აქ.

² დუისოფელს ადგილობრივი ქისტები ხშირად უწოდებენ „პენჯიზ“-ს, ე. ი. პანკისის (ქვემოაღნიშნულ საბუთებშიც დუისის გვერდით ფრჩხილებში ჩვეულებრივ მოყვანილია „პანკისი“). როგორც ჩანს, იმ ადგილს, სადაც დღეს დუისოფელი მდებარეობს, წინათაც პანკისი ერქვა, რასაც ადასტურებს საქართველოს მუზეუმში არსებული ერთი ხელნაწერი (გრაგნილი) № 1607, XVIII საუკუნისა (აღნიშნულ ხელნაწერზე მიმითითა დოკ. ნ. ბერძენიშვილი, რისთვისაც მას მადლობას ვუძღვნი). ხელნაწერში აღწერილია კახეთის ზოგიერთი სოფელი და მათ შორის იხსენიება პანკისი, უქვეყლია, ეს ძველი სახელწოდება შეუნარჩუნეს ამ ადგილს შემდეგ აქ დასახლებულმა ქისტებმა.

ყველა პანკისელ ქისტს, განსაკუთრებით დუისოფლელებს, ჯერ კიდევ კარგად ახსოვს გადმოცემა იმის შესახებ, რომ პანკისის ხეობა, რომელშიაც ამჟამად გაფანტულია მოსახლეობა, წინათ მთლიანად დაფარული იყო ტყეებით. პირველად აქ დაესახლა ვინმე ქისტი დუი, რომელმაც დააარსა პანკისის ხეობაში პირველი სოფელი. ამ სოფელმა მიიღო თავისი დამაარსებლის სახელწოდება (დუისოფელი < დუის სოფელი). აი რას მოგვითხრობს ამის შესახებ დუის შვილიშვილის შვილი მავაი დუიშვილი: „პანკისის ხეობა მთლიანად ტყეებს წარმოადგენდა. პირველად აქ დასახლდა საჩაჩროდან—სოფ. დიშნიდან გამოსული ქისტი დუი ციცხაშვილი¹. დუი შამილის ნაიბი იყო. მან დატოვა საჩაჩრო იმის გამო, რომ მოკლული ჰყავდა რამდენიმე კაცი და სისხლის ალები სა ეშინოდა.

დუი პირველად მივიდა ერწოში, რომელიც მას არ მოეწონა. აქიდან ის წავიდა ნაფარულში, მაგრამ არც ეს ადგილი დაუჯდა კკუაში. ამის შემდეგ ის მივიდა პანკისში და დასახლდა იქ, სადაც ახლა დუისოფელი მდებარეობს. რამდენიმე ხნის შემდეგ დუისთან მივიდა უფროსი² ლევან ჯანდიერი და უთხრა დუის: მთელი პანკისის ხეობა შენი საკუთრება იყოსო. მაგრამ დუიმ უპასუხა: მე არ ვიცნოვრებ საქართველოში, ამ დოვრების ქვეყანაშიო. მიუხედავად ამისა დუი მაინც დარჩა აქ. მის ირგვლივ დასახლდნენ საჩაჩროდან გამოსული სხვა ქისტებიც და ამრიგად გაჩნდა სოფელი — დუისოფელი.

თავის სოფლელებთან ერთად დუი ხშირად იგერიებდა დაღისტნელთა თავდასხმას კახეთის ამ ნაწილში. საერთოდ დუი დიდი მამაცი ყოფილა“.

ერთი დოკუმენტიდან³, რომელიც დუისოფლის მცხოვრების, შემოაღნიშნული მავაი დუიშვილის, ოჯახში ინახება, ვტყობილობთ შემდეგს: დუის შვილი იდა 1857 წელს აძლევს ახოვნას (ქართულად დაწერილს) თუშ-ფშავ-ხევსურეთის უფროსს. თხოვნაში იდა აღნიშნავს, რომ 1856 წელს („შარშან“) გარდაიცვალა მისი მამა დუი,

¹ ყველა პანკისელ ქისტს გვარი გადმოქართულებული აქვს: დუიშვილი, ქავთარაშვილი, მარგოშვილი, ბორჩაშვილი, გუმაშვილი, იმედაშვილი, ალხანაშვილი, ცათიაშვილი და სხ. ყველა, გარდა ქალებისა და ბავშვებისა, თავისუფლად ლაპარაკობს ქართულად.

² ალბათ თიანეთის მაზრის უფროსი.

³ ვინაიდან ამჟამად დოკუმენტი ხელთ არ გვაქვს, მოგვყავს მისი მოკლე შინაარსი...

მეფის წინაშე დამსახურებული. გარდაცვლილის ოჯახი მძიმე მატერიალურ პირობებში იმყოფება და ამიტომ სთხოვს უფროსს გაუწიოს უპატრონოდ დარჩენილ ოჯახს მატერიალური დახმარება.

უფროსი¹ თხოვნას აწერს (რუსულად) შემდეგი შინაარსის განაჩენს: ვინაიდან შამილის ყოფილი ნაიბის დუის დამსახურების დამამტკიცებელი საბუთები არ აღმოჩნდა, მის შვილს—იდას თხოვნაზე უარი ეთქვასო.

ამ დოკუმენტიდან ცხადად ჩანს, რომ დუი 1856 წელს გარდაცვლილა (მისი საფლავი იმყოფებოდა დუისოფლის ძველ სასაფლაოზე, მდ. ალაზნის ნაპირზე. მაგრამ იმის გამო, რომ მდინარემ ამ რამდენიმე ხნის წინათ თითქმის ნახევარი სასაფლაო ჩამორეცხა და წაიღო, დუის ნეშტი, მისი შვილის—იდას ნეშტთან ერთად, გადატანილ იქნა სოფლის ახალ სასაფლაოზე). შემონახული გადმოცემის მიხედვით დუის ერთი შვილიშვილთაგანი, აბდულა დუიშვილი, მოგვითხრობს, რომ დუი დაახლოებით 65 წლის გარდაიცვალა, ხოლო პანკისში დასახლებისას 35 წლის იყო. თუ ეს სინამდვილეა, მაშინ დუის დაბადება უნდა ვივარაუდოთ 1791 წელს, ხოლო მისი დასახლება პანკისში—1826 წელს.

დუის შთამომავლები ატარებენ თავიანთი წინაპრის სახელისაგან ნაწარმოებ გვარს დუიშვილს. ეს ამჟამად ყველაზე უფრო გავრცელებული გვარია დუისოფელში.

ამრიგად, პანკისის ხეობაში მდებარე სოფელთაგან ყველაზე დიდხინის ისტორია, უნდა ვიფიქროთ, აქვს დუისოფელს.

სოფ. ჯოყოლოს დამაარსებლად ითვლება ვინმე ქისტი ჯოყოლა². აღნიშნული სოფლის მცხოვრები ექო მუზიკაშვილი (ისე, როგორც სხვა ჯოყოლოელებიც) გადმოცემით შემდეგს მოგვითხრობს: «ჯოყოლა ფულაელი» ყოფილა. მის მამას დერქიზი ერქვა. როდესაც ჯოყოლა გაიზარდა, მოდიოდა საქართველოში, თავს ეცემოდა ხალხს, ართმევდა პირუტყვს და ზოგჯერ კიდევ ქურდობდა.

ერთხელ საქართველოში ქურდობისას ჯოყოლას ასეთი შემთხვევა ჰქონია: ჯოყოლა და მისი ამხანაგები—ბუღაგა, სელარა, სას-

¹ წელის მოწერა გაურკვეველია, რაღაც რუსული გვარია.

² როგორც ჯოყოლას შვილიშვილებმა—დუისოფლელებმა სოსო და ხუტი ნაციშვილებმა (უკანასკნელი ამ 4 წლის წინ მოკვდა) გადმოგვცეს, ეს ის ჯოყოლაა, რომელიც ვაჟა-ფშაველას „სტუმარ-მასპინძელში“ არის მოყვანილი.

³ ფულაი შვიძლება სოფლის სახელწოდება იყოს.

გარგა, ჰაშა, ბედირგა, თიაშქა და სხვები ძისულან ბაწარას¹ ძირ-ში. აქ შეხვედრიათ ლეკები, რომელთაც ნაქურდული ცხენები მიჰყავდათ. ამ ერთმანეთთან შეხვედრილ ქისტებსა და ლეკებს შორის გამართულა ბრძოლა. ბოლოს ლეკებს ცხენები დაუყრიათ და გაქცეულან. ჯოყოლა და მისი ამხანაგები ამის შემდეგ წასულან და წიფლოვანში გაჩერებულან. მოსულა მუხლამდის თოვლი. აქიდან ბორბალოს უღელტეხილით საჩაჩნოში გადასულან.

ჯოყოლა შამილის დამხმარე² ყოფილა. უკანასკნელი მას აძლევდა ჯარს, რომლითაც იგი (ჯოყოლა) ეომებოდა ქართველებს.

იქ შამილთან ჯოყოლას რაღაც უსიამოვნება მოჰსვლია და წამოსულა საქართველოში — ჩაბანოში. იქიდან ნაჩალნიკთან — ლევან ჩოლოყაშვილთან³ მისულა და დამოხილებულა მასთან. ლევან ნაჩალნიკს წაუყვანია ჯოყოლა პანკისში და უთქვამს: აქ ბევრი თავისუფალი ადგილია და კარგად იცხოვრებო; არავითარ გადასახადს არ გადაგახდ ვინებო. ჯოყოლა თავისი ამხანაგებით დასახლებულა იმ ადგილას, სადაც ახლა სოფ. ჯოყოლო მდებარეობს. არავითარ გადასახადს ესენი არ იხდიდნენ.

ამის შემდეგ ჯოყოლა კიდევ ეხმარებოდა შამილს და მოკლულ იქნა ომში სხვა ამხანაგებთან ერთად. როდესაც ეს ჯოყოლოლებს გაუგიათ, უთქვამთ: ჩვენი ჯოყოლა მოკლეს, ჩვენი მხარის დამჭერი აწი აღარავინ არის, სჯობს ისევ ჩვენს ქვეყანაში წავიდეთო. ამდგარან და წასულან. წიფლოვანში მათ დასწევიათ თუშები, რომელთაც უფიქრიათ: თუ ესენი თავის ქვეყანაში გაუშვით, იქიდან კიდევ არ მოგვასვენებენო. გამართულა ბრძოლა. დაუბრუნებიათ ქისტები და ისევ დაუსახლებიათ ჯოყოლოში, სადაც ახლაც ცხოვრობენ⁴.

რაც შეეხება სოფ. ომალოს, გადმოცემა არ გვეუბნება, თუ ვინ იყო მისი დამაარსებელი. არაფერი ვიცით აგრეთვე თვით საბელწოდების წარმოშობის შესახებ. მხოლოდ უნდა აღინიშნოს ის, რომ ისტორიკოსის ვახუშტი ბატონიშვილის (1696—1772) გეოგრაფიულ რუკაზე აღნიშნულია სოფ. ომალო, რომელიც სავსებით ემთხვევა ახლანდელი ომალოს ადგილმდებარეობას. საფიქრებელია, რომ ეს წინათ დასახლებული პუნქტი შემდგომ ხანებში გაულაბურდა და შემდეგ აქ დასახლებულმა ქისტებმა შეუნარჩუნეს ამ ადგილს წინანდელი სახელწოდება.

¹ ბაწარა მთის სახელია პანკისში.

² ალბათ ნაიბი.

³ ალბათ თიანეთში მახრის უფროსთან.

ომალოელები შემდეგს მოგვითხრობენ თავიანთი წარსული ყოფა-ცხოვრების შესახებ: „ომალოელები გამოსული არიან ხილდი-ჰიდან (გროზნოს ოლქიდან). იქიდან ზოგი მოსულა ბაცად სახელ-წოდებულ ადგილას, ზოგი თიანეთის მახრავში, ზოგი ხორბალოში, ზოგი ალვანში. ყველა ამით გაუგიათ, რომ პანკისი კარგი ადგილია, მოსულან აქ, უნახავთ და მოსწონებიათ ის ადგილი, სადაც ახლა ომალოა. გამოუთხოვიათ მთავრობისათვის ეს ადგილი. მთავრობას მიუცია. დასახლებულან ომალოში. ამის შემდეგ მთავრობას გამოუგზავნია მღვდელი და ამ უკანასკნელს გამოუცხადებია ომალოელებისათვის: თუ არ გაქრისტიანდებით, გადაგასახლებთო. ბევრი დათანხმებულა. მღვდელს დაუბარებია არქიელი. ჩაუყრიათ ხალხი ალვანში და დაუნათლავეთ. შემდეგ არქიელს გამოუცხადებია: ასლა თქვენ ქრისტიანები ხართ და ღორის ხორცი უნდა ჭამოთო. ხალხს არ უჭამია.

შემდეგ თანდათან მოსულა აქ სხვა ხალხიც. ეს სოფელი ბოლიანად ტყე ყოფილა. თანდათან ჭრიდნენ ტყეს და სოფელს აშენებდნენ. შემდეგ ბავშვებსაც ნათლავდნენ. დუისოფელი არ დათანხმებულა ქრისტიანობაზე. რამდენიმე ხნის შემდეგ ომალოელებს უთხოვიათ მთავრობისათვის: ვინაიდან დუისოფელები ინახავენ მაჰმადიანობას, ჩვენც ნება მოგვეცით მაჰმადიანი ვიყოთო. ომალოელებს ამით უნდოდათ აეშორებინათ თავიდან სალდათობა. ხელმწიფეს ნება არ მიუცია, მაგრამ ომალოელები მაინც ჩუმჩუმად უბრუნდებოდნენ მაჰმადიანობას. მღვდელი ასეთებს განგებ ააშკარავებდა ხელისუფლებას წინაშე, რომელსაც ასეთები მიჰყავდა სალდათებად. ხალხს მაინც თავისი არ დაუშლია და დღეს ომალოში მხოლოდ 3—4 კომლია, რომელსაც „შეუნარჩუნებია ქრისტიანობა“.

ჯოყოლოსა და ომალოში ქისტების დასახლების დრო გამოურკვეველია, მაგრამ, უეჭველია, ჯოყოლოელები და ომალოელები პანკისში უფრო გვიან დასახლდნენ, ვიდრე დუისოფელები. მ. ვ. მაჩაბელი თავის გამოკვლევაში—«Экономический быт государственных крестьян Тиопетскаго усада, Тифлисской губернии» (Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказскаго Края, том V. Т. 1887 г. ნაწ. I, გვ. 328) ამბობს: «Кисты или кистины живут в Тиопетской Кистетии и в Панкисском ущельи, куда они переселились из Майстского общества при наместнике кн. Воронцове и образовали три селения: Джокла, Дуй (Панкиси) и Омало».

ძნელია იმის თქმა, თუ რა ცნობებს ემყარება გამოკვლევის ავტორი, როდესაც პანკისში ქისტების დასახლებას XIX საუკუნის ნახევარს მიაკუთვნებს (ვორონცოვის მეფისნაცვლობა კავკასიაში ცნობილია 1845—1855 წლებში), მაგრამ თუ ეს სინამდვილეს შეეფერება, უნდა ვიფიქროთ, რომ ეს ცნობა მაჩაბლისა შეეხება მხოლოდ ჯოჯოლოელებსა და ომალოელებს, და არა დუისოფლის დამარსებელს დუის, რომელიც ყველა ცნობის მიხედვით დასახლდა პანკისში XIX საუკუნის ნახევარზე და, რასაკვირველია, ჯოჯოლასა და ომალოელებზე ადრე.

არსებითად ასეთსავე ცნობებს პანკისის ხეობაში ქისტების დასახლების შესახებ იძლევა ვინმე შაქრო თავის სტატიაში „პანკისის ხეობა“, რომელიც მოთავსებულია გაზ. „ივერიის“ 21 №-ში 1887 წლის 29 იანვრის თარიღით. ამ სტატიაში, რომელიც აგრეთვე ემყარება ადგილობრივი ქისტების დაკითხვას, სხვათა შორის ნათქვამია შემდეგი: „ფშავლების სოფელს ზედ მოსდევს მაჰმადიანთ ქისტების სოფელი დუისი. ამათ წინამძღოლს ნაიბს დუს¹ ორმოცდაათი წელიწადი იქნება, რაც გადმოუხსახლებია ესენი ქისტებიდან. ძველ სამშობლოში ესენი მისიელ² თემად ყოფილან ცნობილნი, სხვა თემის ერთი კაცი შემოჰკვდომიათ და ეს თემი სისხლის ასაღებად მოჰხდომიათ. ორი მოსისხლე თემი ერთმანეთში ვერ შორიგებულან, მისიელებს³ თორმეტი კაცი კიდევ სხვა მოუკლავთ და მძიმე სისხლის ვალი დასდებიათ უფრო ღონიერის თემისა. ძველის ქართულის წესით, სისხლში „დასწორება“ საფასურითაც შესაძლო იყო, ისტებში კი ეს შეუძლებელი ყოფილა: სისხლში ჯერ აუცილებლად სისხლითვე უნდა დაურვდნენ და მხოლოდ შემდეგ შეიძლება შუა-კაცებით შერიგდნენ. მისიელებსაც მეტი ღონე აღარა ჰქონდათ, ან უნდა ეომნათ უფრო მძლავრ თემთან—ან არა და გამოსცლოდნენ. ამათ გამოცლა ირჩიუს, ჩუმად და საჩქაროდ დაანებეს თავიანთ სახლ-კარებს თავი და ჩამოვიდნენ პანკისის ხეობაში, თუმცა თითონ შამილსაც კი არ ეთმობოდა ამათი წინამძღოლი დუი. როგორც ქართველებს, ისე მთავრობას ამათი პანკისში ჩასახლება გაუხარდათ და მაშინდელ მთავრობის წარმომადგენელმა თ. ლევან ჩოლაყაშვილმა ნება მისცა გაეჩხნათ ნაოხარზე ამოსული ტყე და დასახლებულიყვნენ. ახლა ეს მისიელების სოფელი მშვენი-

¹ ე. ი. დუის. საერთოდ ყველგან სტატისის ავტორის მართლწერას ვტოვებთ.

² უნდა იყოს: მაისტელ.

³ ე. ი. მაისტელებს.

ერი და კობტა სოფელია, კრამიტით დასუროული სუფთა ფიცროუ-
ლებით:

ამათ ზემოთ ორი ქრისტიან-ქისტების სოფელია, ჯაყოლა¹ და ომალო; ეს ქისტები მაჰმადიან ქისტებზე გვიან მოსულან. ამათ წინამძღოლად ჰყოლიათ ბელადები ჯაყოლა და ომალო. ეს ორი ბელადი თურმე ძლიერ აწუხებდნენ კახეთს და უკანა ფშავს შამილის დროს. მთავრობამ ლევან ჩოლაყაშვილის პირით გამართა ამათთან მოლაპარაკება პანკისში. გადმოსახლების თაობაზე და, როცა შამილის საქმეები ცუდად წავიდა, კიდევ დაიყოლია, გადმოსახლა და დაუნიშნა ულუფა სახელმწიფოდ. მართლაც და ესენი თურმე ყოჩაღად უხვდებოდნენ და იჭერდნენ თარეშების შემოსევას დაღისტნიდგან, მაგრამ ერთ ღამეს აყრილიყვნენ და გაპარულიყვნენ. გაეგო თუ არა ეს ჩოლაყაშვილს, დასდევნებოდა, დასწეოდა ჯარით მთებში, კაი შეტაკებაც მოჰსვლოდა, მაგრამ მაინც უკანვე დაებრუნებინა. გაპარვა რომ აღარ გაებედნათ, ათ კაცს თითო თვით ამანათად იჭერდნენ თელავში. იმ ხანებში შამილიც ტყვედ დაიჭირეს და თელავიდან არამც თუ ამანათები გამოუშვეს—ქისტების სრულიად გარეკვა მოინდომეს, რადგან ქურდობას არ იშლიდნენ კახეთში. აქ კი ქისტებმა თითონვე ხეწუნა დაიწყეს, მთავარმართებელსაც კი სთხოვეს: ოღონდ ნუ გადაგვასახლებთ ქისტეთში და დავინათლებითო. მოვიდნენ მთავრობის წარმომადგენელი მღვდლებითურთ და ერთ დღეს დანათლეს ალაზანში. ამასთან სამი მანეთიც ხარჯი შეაწერეს კომლზედ. მაჰმადიანი ქისტები² კი, რადგან იმ თავით მშვიდად იყვნენ, დარჩნენ ძველ წესებზედ და დღევანდლამდის კომლზე მხოლოდ მანეთს იხდიან.

ამ უკანასკნელ გარემოებას ცოტა არ იყოს აუწეწ-დაუწეწნია აქაური საქმეები. ქისტები, რასაკვირველია, გარეგან მონათლულან, თორემ დღევანდლამდის არც საყდარი ჰქონიათ, მღვდელიც თავის ნებაზე უტარებიათ, არც შვილები უნათლავთ და გარდა ამისი, არამც თუ მაჰმადიან ქისტების ქალები მოუყვანიათ ცოლად, თავიანთიც უძლევიანთ მაჰმადიანებისაჟვის⁴.

სტატის ავტორი, უეჭველია, შეცთომილია შეყვანილი; როდესაც „ომალო“ სახელწოდებას სოფლის დამაარსებელს უკავშირებს. დუისის დაარსებას ის უკავშირებს დაახლოებით 1837 წელს, როდესაც 1887 წელს დაბეჭდილ სტატიაში აღნიშნავს: წინამძღოლს,

¹ ჯაყოლა.

² ე. ი. დუისოფლები.

ნაიბს დუის, ორმოცდაათი წელიწადი იქნება, რაც გადმოუსახლებია ესენი (ე. ი. მაისტელები, ს. ჩ.) ქისტეთიდანო და ჯოყოლოლები და ოპლოელები მაჰმადიან ქისტებზე (ე. ი. დუისელებზე, ს. ჩ.) გვიან მოსულანო! როგორც ზემოთაც ვიქვით, სახელწოდება „ომალო“ აღნიშნულია 1772 წელს გარდაცვლილი ვახუშტი ბატონიშვილის გეოგრაფიულ რუკაზე. როგორც ჩანს, სტატის ავტორმა სოფლის სახელწოდება „ჯოყოლოსა“ და „დუისის“ მსგავსად დაუკავშირა ამ სოფლის დამაარსებელს. არც თვით ომალოელებმა, არც სხვა პანკისელმა ქისტებმა არაფერი იციან ასეთი ისტორიული პირის შესახებ.

იმ ოფიციალური ცნობების მიხედვით, რომლებიც მოთავსებულია 1871 წლის «Свод Материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказскаго Края»-ში (ტ. III, ნაწ. 1, გვ. 191) ომალოში ცხოვრობს 32 კომლი, ჯოყოლაში—23, დუიში (პანკისში)—72, ხოროჯაში—8 კომლი.

1887 წლის იმავე კრებულში (ტ. II, გვ. 153) მოთავსებულია 1873 წლის კამერალური აღწერილობის თანახმად თიანეთის მაზრაში ირიცხება 325 კომლი ქისტი, მაგრამ პანკისელ ქისტებს გარდა, უეჭველია, აქ მხედველობაშია მიღებული ქისტური მოსახლეობა მიხოსა და მაისტის საზოგადოებისა, რომლებიც მაშინ თიანეთის მაზრაში შედიოდა. მაჩაბლის ზემოაღნიშნულ გამოკვლევაში (გვ. 318) ნათქვამია: «Всю восточную нагорную часть (თიანეთის მაზრისა, ს. ჩ.) занимает Тушетия; в состав же западной ее части входят: Хевсуретия, Цшавия и часть горной Кистетии (Митхо и Майстское общество), вошедшая в состав Гионетскаго уезда. Последняя, по своим этнографическим особенностям, скорее должна быть отнесена к Терской области».

ამავე გამოკვლევის დამატებაში («Общая ведомость исследованных селений», ведомость № I, лит. а) აღნიშნულია, რომ დუიში (პანკისში) ითვლება 83 კომლი, ჯოყოლაში—32, ომალოში—37, ხოროჯაში ჩხათანითურთ—5 კომლი.

ასეა წარმოდგენილი პანკისის ხეობაში მდებარე ქისტური სოფლები 1880-იან წლებში.

მთელს ხეობაში მხოლოდ ერთი მეჩეთია—დუისოფელში. ამ მეჩეთის აშენების შესახებ დუისოფლელები შემდეგს მოგვითხრობენ: მეფის მოავრობა დიდხანს არ იძლეოდა მეჩეთის აშენების ნებართვას, მაგრამ დუისოფლელებმა მაინც ააშენეს იგი. როდესაც ეს გაიგო ხელისუფლებამ, სასტიკად აკრძალა მეჩეთის აშენებაზე. მუშაო-

მა სწორედ იმ მომენტში, როდესაც წენობა უნდა გადახურულიყო. დიდხანს იყო მეჩეთი ასე გადახურავი.

ერთხელ პანკისის ხეობას ეწვია გუბერნატორი. დუისოფლელი ქალები შეეგებნენ გუბერნატორს, დაუფინეს მას გზაზე თავსაფრები და მუხლი მოუყარეს. გუბერნატორი შეჩერდა და, როდესაც გაიგო, რომ ქალები მეჩეთის გადახურვის ნებართვას სთხოვენ, დააკმაყოფილა მათი თხოვნა. ამის შემდეგ მეჩეთი გადახურეს.

ასე აგვიწერს პანკისის ხეობაში ქისტების დასახლების ისტორიას ადგილობრივ შემონახული ზეპირი გადმოცემები.

რას წარმოადგენდა წინათ პანკისის ხეობა?

შემოაღნიშნული ვახუშტის ცნობით პანკისის ხეობა, როგორც ისეთი ადგილი, სადაც მოსახლეობა ცხოვრობს, და როგორც ამათუიმ პირის სამფლობელო მოხსენებულია მე-11, მე-15 და მე-18 საუკუნეებში¹.

იგივე ვახუშტი კახეთის გეოგრაფიულ აღწერილობისას ამბობს: „ხოლო კეობა პანკისის არს ვენახოვანი, ხილიანი. დაბალნი და მთის კერძნი, ვითარცა მთათა ადგილნი. თევზნი, კალმანხნი: ტყე ნადირიანი, მარცვალთა ნაყოფიერი, თვინიერ ბრინჯ-ზანხისა. პირუტყენი, მრავალ, განა ღორი უმრავლეს“².

ეს ცნობები ამტკიცებს, რომ ჯერ კიდევ XVIII საუკუნეში პანკისის ხეობაში იმყოფება ძველი მოსახლეობა. მაგრამ შემდეგ, ალბათ დაღისტნელთა გამუდმებული თავდასხმების გამო, ხეობა გაუდაბურდა და მალე დაიფარა ტყით. ასეთი ხეობა დახვდა აქ პირველად დასახლებულ ქისტს დუის.

¹ „საქართველოს ცხოვრება“, ხ. ჭიჭინაძის გამოც., 1913 წ. ტფილ.

² დეოდორაძის აღწერა საქართველოსა ბატონიშვილის ვახუშტის მიერ. გამოც. ბროსესი, ს.-პეტერბურგი, 1842 წ. გვ. 322.

О П Е Ч А Т К И

Стр-ца	стр.	напечатано	должно быть
188	20	сверху подтвергали	подвергали
192	5	» обеспечивало	обеспечивало
193	18	» Персии	Ирана
194	4	снизу недумает	не думает
196	19	» персидских	иранских
196	13	» северо-восточной Персии	северо-восточного Ирана
197	7	» персидского	иранского
198	16	» персидского	иранского
203	8	сверху задания	здания
203	1	снизу аряим	армя
207	12	сверху персидские	иранские
208	2	» персидском	иранском

